

РАЗДЕЛ I

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЭСТЕТИКИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЭСТЕТИКИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Итак, известно, что в летопись истории и культуры Плеханов вошел как один из виднейших деятелей русского и международного рабочего движения, как личность, чья сознательная жизнь полностью и окончательно была посвящена делу освобождения трудового народа, делу социализма. Отсюда как нечто само собою разумеющееся должен вытекать и тот факт, что затрагиваемые в творчестве Плеханова вопросы и проблемы рассматривались им прежде всего под углом зрения интересов борьбы за социализм. Следовательно, обращение Плеханова к вопросам искусства и эстетики также было продиктовано отнюдь не одним только академическим интересом, а, главным образом, интересами революционной борьбы народных масс, а это значит, что эстетическая теория Плеханова своими историческими корнями уходит в первую очередь к той русской действительности, которая породила его.

В этой связи абсолютно бесспорно, что исторически его воззрения на существо искусства и эстетики, равно как и тонкое, безупречное его эстетическое чувство (что отмечал еще А. Луначарский) формировались прежде всего под прямым воздействием именно передовой отечественной литературы и искусства, в частности, творчества таких представителей русской культуры, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Чехов, Успенский, Достоевский, Толстой, Грибоедов, Некрасов, Чайковский, Мусоргский, Скрябин, Серов, Репин, Левитан, Суриков, Брюллов, Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев и многие, многие другие. Конечно, исторически его тонкое эстетическое чувство начало складываться задолго до его сознательного целенаправленного политического отношения к жизни. Но бесспорно одно, что по-настоящему оно у него оформилось именно со времени его вступления на общественно-политическую арену, что могло

произошли по той причине, что само-то это искусство выдвинулось в ряд передовых культур народов мира именно благодаря своему активному отношению к тем «проклятым вопросам», которые отныне становятся вопросами жизни и смерти и для Плеханова. И хотя отношение Плеханова и отношение передового русского искусства к этим «проклятым вопросам» времени не всегда и не во всем совпадало, тем не менее общность самого объекта не могла не привести к определенному влиянию отмеченного искусства на Плеханова. И Плеханов, чувствуя силу и значение искусства в борьбе за переустройство общественной жизни на началах социализма и справедливости, не мог не заняться вплотную этими вопросами. А это, со своей стороны, не могло не привести и к более зрелому развитию его безошибочного эстетического чувства.

Если к этому теперь добавить еще, что воззрения и историческая деятельность Плеханова в борьбе за социализм претерпели определенную эволюцию с довольно существенными изменениями — от народничества к стройной системе марксизма, — которая произошла также под влиянием той же действительности, то станет совершенно очевидной необходимостью остановиться на рассмотрении этой действительности именно в плане ее влияния на творческую биографию нашего мыслителя.

* * *

На арену общественно-политической жизни Плеханов вступает в середине 70-х годов прошлого столетия. Годы эти известны и знаменательны в истории России ее бесповоротным вступлением на путь капиталистического развития. После отмены крепостного права давно уже зародившиеся в стране капиталистические отношения двинулись вперед быстрыми темпами. Россия крепостническая на глазах превращалась в Россию капиталистическую. В стране бурно росли старые и возникали новые города и промышленные центры, множилось число фабрик и заводов, ширилась сеть железных дорог, совершенствовались речные и морские средства сообщения, оживлялась торговля.

Разумеется, зарождение капитализма в России не ограничивается городом, а быстро проникает и в деревню.

Понятно, что все эти изменения в стране не могли обходиться и без нового распределения ее населения вообще, зарождения нового класса — класса наемных рабочих — в частности.

Складывающаяся к 70—80 годам XIX столетия общественная жизнь в России ясно свидетельствует об объективной непримиримости классовых противоречий как в городе, так и в деревне. И в городе, и в деревне трудящиеся массы ведут энергичную борьбу за свои права и достоинства против произвола и беззакония своих предпринимателей, своих эксплуататоров.

Но силы эти действуют разрозненно. Нет единства и сплоченности

в этой борьбе не только между городом и деревней, но и в них самих. Недовольные на каждой фабрике и на каждом заводе в городе, и в каждой губернии, уезде, селении или в деревне выступают сами, без всякой связи и поддержки других, не подозревая даже о необходимости такого сплоченного выступления. И лишь к середине 80-х годов мы сталкиваемся с исходящими из самой этой революционной среды попытками организации и сплочения революционных сил. Речь идет о первых рабочих союзах и организациях.

Революционную интеллигенцию глубоко волновало бедственное положение трудового народа, страдавшего от произвола царя и помещиков, и потому, ставя своей задачей освобождение народа от этих оков, интеллигенция вырабатывает свои особые, народнические идеалы, особые способы и приемы борьбы. В организуемых ею кружках и группах ставятся и страстно обсуждаются вопросы о том, в какой форме, какими способами и как возможно истинное освобождение народа, как вывести его на широкую дорогу свободы, равенства и гуманизма; возможна ли в России социальная революция, и если да, то какая, каков должен быть путь социального переворота. Живя этими вопросами, революционная интеллигенция приходила к выводу о необходимости народной революции как единственно возможного средства и способа разрешения назревших общественных противоречий и усиленно пропагандировала ее.

Но видя, что главным и непосредственным производителем материальных благ в стране все еще остается крестьянство, революционная интеллигенция в основной своей массе свои представления и понятия о «народе» отождествляет с крестьянством, и все свое внимание, все свои помыслы, энергию и энтузиазм направляет на деревню.

Считая крестьянина «коммунистом по натуре, по инстинкту» и традиции, и потому полагая, что он «всегда хочет» и «всегда может» совершить революцию, народники звали молодежь «идти» в народ, чтобы поднять его на революционную борьбу. Развернулась широкая агитация за хождение в народ, направлялись непосредственно в деревню сотни революционеров. Люди эти настолько были воодушевлены верой в возможность свершения крестьянской революции, что их беспредельная решимость бороться против царского самодержавия и всех проявлений крепостного гнета привлекла к себе внимание даже Маркса и Энгельса. Последние, проявляя большой интерес к этому революционному движению, старались помочь его руководству.

Маркс и Энгельс, изучив пореформенную Россию и сущность того революционного движения, которое возглавлялось народничеством, его программу, тактику и стратегию, вскрывали ошибочные установки, способы и приемы борьбы русского народничества, желая тем самым направить энтузиазм, силу и энергию этих самоотверженных революционеров по нужному руслу. Они вскрывали и критиковали мелкобуржуазный харак-

тер отстаиваемого русскими народниками социализма, антинаучный, идеалистический по существу характер их теоретических установок относительно «критически мыслящих личностей», «надклассовости» государства, особого пути развития России и т. д.

Однако, в отличие от зарождающихся в то же время рабочих организаций и союзов, которые со дня своего возникновения обратили свои взоры к марксовому социализму, русская революционно-народническая интеллигенция в силу экономической отсталости России и недостаточного развития рабочего класса и слушать не хотела замечания и критику Маркса и Энгельса. Она настолько прониклась народническими идеалами, что не могла отнестись более или менее серьезно к любым возражениям.

Народники не замечали, что капитализм не только проникает в Россию, но что после реформы 1861 года его развитие приняло здесь такие темпы, что спустя несколько десятилетий он стал уже главенствующим почти во всех основных отраслях хозяйства. В реформе этой они ошибочно усматривали не создание условий и предпосылок для быстрого роста и развития капитализма в России, а начало какой-то некапиталистической эволюции и превращения страны в «народный социализм». Они не хотели видеть буржуазного характера тех общественных отношений, в которые вынуждено было вступить русское крестьянство после реформы. Русские народники полагали, что русский капитализм вследствие своей незрелости и беспочвенности не в силах будет расколоть якобы однородное крестьянство, что развитие русской деревни и после реформы идет по линии укрепления и упрочения так называемых «народных традиций и инстинктов», по пути земельной общины, земельных артелей. Народники из общей массы трудящихся не выделяли рабочий класс как самостоятельную политическую силу. До них не доходило существо марксова учения о том, какие причины и предпосылки приводят к зарождению и росту этого нового класса, какие факторы будят этот класс, спланивают его, создают необходимые объективные и субъективные предпосылки для его массового революционного выступления; почему только этот класс считается единственным последовательно-революционным классом, классом, способным освободить и самого себя, и все трудящиеся массы от векового рабства и нищеты и положить конец всякой эксплуатации вообще.

Отсюда и понятно, почему зарождавшиеся тогда в России рабочие организации остались в стороне от деятельности народничества. Если народники и вели какую-то работу среди рабочих, то она сводилась в основном к вербовке из этой массы агитаторов социализма в той же крестьянской среде или одиночных революционеров-террористов, и на эту свою работу народники смотрели как на побочную, а не основную. Это и отмечал Ленин, заявляя, что «когда в 1875 г. образовался «Южно-русский ра-

бочий союз» и в 1878 году «Северно-русский рабочий союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов»¹.

Таким образом, к 70—80 гг. прошлого столетия в России были и социалисты, было и революционное движение как в городе, так и в деревне. Но социалисты полностью были заняты крестьянским революционным движением, крестьянскими бунтами, а рабочее революционное движение оставалось в стороне от деятельности народнических социалистов. Оба они действовали в одно и то же время, но действовали порознь, независимо друг от друга. Социалисты не имели почвы среди трудящегося населения и в этом смысле их действия были по существу отвлеченными и беспочвенными. Рабочее же движение было лишено подготовленных руководителей-профессионалов, и потому оно выливалось в беспорядочные бунты. Дальнейшая история русского освободительного движения требовала коренных изменений в деятельности русских социалистов, которые в основном должны были пойти по пути сближения теории научного социализма с практикой революционного движения пролетарских масс. И вот к этому историческому периоду и относится выход Плеханова на арену общественно-политической жизни².

К этому моменту в стране имели место и крестьянские, и рабочие *революционные выступления*, сложились рабочие революционные организации.

Каково же отношение Плеханова к ним? Свою революционную деятельность Плеханов начал в рабочей среде, в среде городских (в частности, петербургских) фабричных и заводских рабочих. Так, первым представителем народа, с которым Плеханову было суждено встретиться на этом поприще, оказался именно *рабочий-революционер* Митрофанов. Его первое политическое выступление на Казанской площади также, надо полагать, прошло среди городских рабочих. К началу 1876 года квартира Плеханова оказывается местом «для революционной *рабочей* сходки»³; и с этого времени занятия с рабочими вообще становятся его «революционной обязанностью»⁴. Именно к этому времени Плеханов устанавливает тесные связи и широкие знакомства с участниками рабочих кружков фабрик и заводов Петербурга, в частности, фабрик и заводов Галерной Гавани, Васильевского острова, Петербургской и Выборгской сторон и т. д. Самое деятельное участие принимает Плеханов в происходящих весной 1878 г. фабрично-заводских стачках на «Новой бумаго-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 245.

² Именно об этом свидетельствует тот факт, что на состоявшейся в 1876 г. политической демонстрации на Казанской площади молодой Плеханов, студент Петербургского горного института, которому только исполнилось двадцать лет, выступил главным оратором с открытым политическим обвинением правительству.

³ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 132.

прядильне», на «Бумагопрядильной фабрике Кенига», на фортепьянной фабрике Беккера, на табачных фабриках Мирчи и Шаншала, на фабрике Шау и т. д. О. Н. Присекая в своих воспоминаниях так характеризует деятельность Плеханова в тогдашнем Петербурге: «Особенно часто бывал (в конспиративной квартире. — Р. К.) Георгий Валентинович. Он приходил, переодевался в рабочий костюм и шел на завод и в рабочие кружки. Возвращался довольно поздно, чтобы переодеться»⁵.

Не лишне указать и на то, что даже первые его корреспонденции в органе народничества «Земля и воля», одним из самых деятельных участников и руководителей которого оказался сам Плеханов, были связаны с деятельностью именно городских рабочих. Забегая несколько вперед, скажем, что еще тогда Плеханов отдавал предпочтение революционности городских рабочих, а не крестьянству из следующих соображений: «В городах собирается цвет деревенского населения; более молодые, более предприимчивые по своему подбору»; «они... в городе устранены от влияния более консервативных и боязливых членов крестьянской семьи», и, наконец, они здесь больше «видели и слышали, более широко наблюдали все общественные отношения» и все это делает их «самым подвижным, наиболее удобовоспринимающимся, наиболее способным к революционизированию слою всего населения»⁶.

И все-таки деятельность Плеханова того периода, за некоторым исключением, о чем будет сказано ниже, в основном ограничивается теорией и практикой народничества. Наиболее убедительным свидетельством этому может служить, во-первых, то, что он даже первое свое публичное политическое выступление в городе завершил поднятием флага «Земли и воли», во-вторых, когда он весной 1878 г., оказавшись в гуще революционных событий Петербурга, услышал о казацких бунтах на Дону, тут же бросил революционный Петербург и помчался к казакам на Дон⁷.

Об этом свидетельствует и то, что уже к 1876 г. молодой Плеханов примыкает к народническому кружку «бунтари», который затем входит в организацию «Земля и воля». Причем Плеханов не только вошел в эту организацию, но и принял в ней такое деятельное участие, что вскоре стал одним из видных ее лидеров. Когда же организация приступила к издательству своего органа «Земля и воля», Плеханова избирают одним из главных его редакторов. И Плеханов оказывается не просто одним из редакторов, а вскоре становится и одним из главных его теоретиков.

В качестве такового Плеханов, как и все другие народники, воспекает общину, считая ее специфической особенностью русской действительности, российского общественного развития, а

значит и единственной для России возможностью перехода к социализму. Как и другие народники, Плеханов старается уверить массы в том, что только через общину могут получить свое дальнейшее развитие естественные стремления и склонности русского мужика к социалистической форме хозяйства, и потому яростно нападает на тех, кто расходится с ним по этим вопросам.

Тогдашний Плеханов настолько был увлечен и убежден в истинности этого положения народничества, что, когда впоследствии сам процесс разложения общины стал неопровержимым фактом, он пытался доказать, что все это происходит не по внутренней необходимости, а просто по несчастному, случайному стечению одних неблагоприятных для существования общины внешних обстоятельств. «Не внутри, а вне общины лежат причины ее почти повсеместного разрушения»⁸, — пишет он.

Следовательно, любое другое стечение обстоятельств — что так же возможно, как и первые, учит Плеханов, — и община только будет расти и развиваться. «Но мы все-таки говорим, что поземельная община может иметь прочное будущее при благоприятном стечении обстоятельств»⁹.

Большой интерес представляют в этом отношении споры Плеханова с Г. Успенским. Успенский, как известно, оказался одним из первых русских художников, кто обратил внимание на процесс разложения русской деревни. И когда он попытался нарисовать его, Плеханов выступил с резкой критикой в его адрес, яростно доказывая, что эти общинные идеалы настолько близки сердцу русского мужика, что он вообще не может расстаться с ними, что русский мужик проявляет удивительную стойкость и приверженность к данной форме экономического устройства. Поэтому, требует Плеханов, русские социалисты должны только способствовать укреплению общинных начал крестьянского хозяйства, крестьянской жизни, а не расширять их и не искажать. Ибо, уверяет Плеханов, только община и единственно она может «гарантировать народу светлое будущее».

Отсюда и задачи русских общественных деятелей, по Плеханову, — ограничить влияние неблагоприятных условий и факторов существования общины и способствовать укреплению и развитию благоприятных, для чего достаточно было бы «сознательно-положительного отношения» к общине со стороны только крестьянства и интеллигенции, активная деятельность которых будет вполне достаточной силой, чтобы нейтрализовать «действительные враждебные ей (общине. — Р. К.) влияния»¹⁰.

Все это довольно наглядно свидетельствует о верности Плеханова народничеству. Однако подобная правочность не означает еще отсутствия каких-либо возражений и отклонений от

⁵ Г. О. Т., сб. № 4, стр. 108.

⁶ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. 1, стр. 69.

⁷ См.: Архив Дома Плеханова. АП-13а, стр. 161 и т. д.

⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. 1, стр. 107.

⁹ См.: Там же, стр. 103—105.

¹⁰ Там же, стр. 107.

него. И в деятельности Плеханова действительно могут быть отмечены такие отклонения, которые зарождались в нем под влиянием его знакомства с жизнью *городских* рабочих. Именно благодаря личным связям с виднейшими деятелями тогдашних рабочих организаций (Степаном Халтуриным и ему подобными), и с самими революционными кружками рабочих, он раньше других народников проник во внутренний мир рабочих, и раньше, чем другие, понял необоснованность «претензий» к рабочим. Характерны в этом отношении подводимые им итоги опыта работы народников в рабочих кружках в четвертом номере «Земли и воли», где он подмечает как раз, что он считает абсолютно необоснованным и неправомерным со стороны народничества видеть в городской массе «только материал для вербовки отдельных личностей», считая абсолютно недопустимым такое дифференцирование городских рабочих¹¹.

Вторым серьезным изъяном в отношении народников к рабочим Плеханов считал «взгляд..., по которому городским рабочим отводится второстепенное место» в революционной жизни страны. «Справедлив ли этот взгляд? Действительно ли городской рабочий остается без крупной роли в будущем социальном перевороте?» — спрашивает Плеханов. И сам же отвечает: «Нам кажется, что это мнение совершенно ошибочно»¹². И далее идут как раз те соображения, по которым он считает, наоборот, «самым подвижным, наиболее удобовоспламеняющимся, наиболее способным к революционизированию слоем всего населения» именно этих рабочих.

Указав в статье на большую восприимчивость городских рабочих к идеям социализма, Плеханов настаивает на необходимости коренной перестройки всей революционной работы. Он предлагает прежде всего не усматривать в городских рабочих лишь материал «для вербовки отдельных личностей» и впредь относиться к ним как к социальной силе, имеющей вполне самостоятельное значение. Затем он считает необходимым изменить приемы и способы работы в среде рабочих. Плеханов считает абсолютно недопустимым ведение пропаганды в отвлеченных рассуждениях, предлагая заменить его «агитацией на почве именно ближайших, преимущественно экономических требований самих масс». Иначе, подметил совершенно точно Плеханов, «ставя своей целью — пропаганду, развитие и образование себя самих и всего рабочего сословия, социалисты этим самым выходят из сферы тех интересов, которыми живет масса, которые ей наиболее близки и дороги»¹³. Мудрено ли, что благодаря подобной оторванности пропаганды от насущных потребностей масс «спрогандированные» рабочие, писал Плеханов, оказывались оторванными от народа, остальные же рабочие относились к ним как к чему-то чуждому, очень часто насмешливо. Не видя

в подобной пропаганде социалистов для себя никакой пользы, ни даже желания быть полезным, масса оставалась глухой к ней, а рабочие-социалисты, в свою очередь, оказывались неспособными взять на себя руководящую роль в ее выступлениях. Поэтому Плеханов и предлагает создание прочной организации среди рабочих, с тем, чтобы объединить разрозненные их кружки. И исходя из этого, он и приветствовал, в отличие от других народников, первые рабочие союзы¹⁴.

При таком представлении о работе социалистов среди городских рабочих, перед Плехановым, естественно, вставала проблема *соотношения* революционных сил города и деревни.

Как же он ее решал?

Плеханов, как и другие народники, непосредственным вершителем социалистических преобразований считал «народ». Но, в отличие от них, он из этого понятия не исключал городских рабочих. И он не делал этого не только по соображениям «не меньшей их революционности», но и потому, что он полагал, что фабрики и заводы для русских рабочих «являются только видом отхожего промысла, и, отвлекая их от деревни, хотя бы и на целые годы», они не уничтожают, однако, «их деревенских связей и симпатий». В результате такие вопросы, как аграрный, как вопрос общинной собственности и ряд других оказываются одинаково близкими и дорогими и рабочему, и крестьянину. И, следовательно, на пролетариат Плеханов смотрел как на «часть того же самого крестьянства».

«Словом, — продолжает рассуждать Плеханов относительно городских рабочих, — это не оторванная от крестьянства масса, а часть того же самого крестьянства. Дело их одно — одна у них и должна быть борьба»¹⁵.

Отсюда и соотношение их революционных сил в революционной борьбе. Крестьянство, как основное содержание понятия «народ», выступает у Плеханова и основной силой социалистических преобразований в России. Что касается городского рабочего, то он, благодаря ряду специфических особенностей существования, сохраняет много общих интересов с деревенским крестьянством и в то же время, становясь более «поддающимся революционизированию слоем населения», должен явиться и действительно «является драгоценным союзником крестьян в момент социального переворота»¹⁶.

Таким образом, уже ко времени появления его работы «Закон экономического развития общества» в Плеханове созрела убежденность в невозможности победы народной революции в России без активной поддержки деревни городом, крестьян — рабочими, и потому он страстно ратовал за дополнение крестьянской революции революционными выступлениями в городе.

Заметим, что хотя сторонники плехановской ортодоксии в

¹¹ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. 1, стр. 69.

¹² Там же, стр. 70.

¹³ Там же, стр. 68.

¹⁴ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. 1, стр. 69.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 70.

данной его постановке вопроса и видели предвосхищение Плехановым ленинской идеи союза пролетариата и крестьянства, в действительности между ними нет не только ничего общего, но они представляют собой прямую противоположность друг другу. Они противоположны хотя бы в том отношении, что, согласно ленинской идее, союз осуществляется именно под руководством *пролетариата*, и крестьянская революция выступает в качестве дополнения к пролетарской, а у Плеханова, наоборот, союз должен существовать в интересах именно *крестьянской* революции, по отношению к которой пролетариат должен выступать как сила вспомогательная. Об этом свидетельствует и тот факт, что всю роль и все значение даже организованных активных выступлений пролетарских масс тогдашний Плеханов сводил только к тому, что они могут «отвлечь силы правительства» и тем самым «дать крестьянскому восстанию время окрепнуть и развиться до степени непобедимости»¹⁷.

Тем не менее мы не имеем никакого права отрицать определенные положительные элементы и моменты в плехановском анализе революционности городского рабочего. Он, безусловно, прав и в том, что к этому человеку надо подходить как к единому целому, и в том, что его надо целиком вовлечь в русло революционной жизни страны, и в том, что этот класс по своему общественному положению представляет собою «наиболее подвижный, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения». Но мы все же должны помнить, что отсюда до марксистского решения вопроса о роли пролетариата в социалистическом преобразовании все же еще далеко.

Да и сам Плеханов, будучи уже марксистом, отмечал это, характеризуя тогдашнее свое и других народников отношение к городским рабочим таким образом: «Проникнутые народническими предрассудками, все мы видели тогда в торжестве капитализма и в развитии пролетариата величайшее зло для России. Благодаря этому наше отношение к рабочим всегда было двойственным и совершенно непоследовательным. ...мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты». Поэтому «...слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в коем случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетариата»¹⁸.

И прав был Плеханов, который, возражая своим противникам, доказывавшим, что не социал-демократы являются первыми революционерами, обратившими свои взоры на рабочий

класс, писал, что «вопрос не в том, действовали или нет в рабочей среде русские революционеры до возникновения социал-демократии, а в том, как они действовали и какое место отводилось в их программах деятельности этого рода. Наши противники охотно забывают об этом, а в этом — самое главное»¹⁹.

Действовать в среде пролетариата, не отводя ему никакой самостоятельной роли в общественном развитии, как это делали тогдашний Плеханов и другие народники, это значит, замечает сам же Плеханов, не развивать, а запутывать его классовое самосознание.

К какому же направлению может быть отнесена данная концепция Плеханова, с каких историко-философских позиций решал он «проклятые вопросы» времени?

Сам Плеханов на этот счет указывал, что тогда он их решал с позиций историко-философской концепции Бакунина, и не верить ему в этом у нас нет оснований.

Приверженность молодого Плеханова Бакунину тогда действительно была настолько сильной и заметной, что даже марксизм, с которым он начал знакомиться еще в студенческие годы, достигает его «сознания, пройдя сначала через призму бакунинского учения»²⁰. В произведениях Плеханова того периода содержатся неоднократные ссылки и даже целые выдержки из произведений Маркса и Энгельса, но все это делается Плехановым в целях доказательства истинности своих народнических воззрений. Так, например, в своем труде «Закон экономического развития общества» Плеханов приводит положение Маркса о том, что «общество не может перескочить через естественные фазы *«своего развития, когда оно напало на след естественного закона этого развития»*, но использует его таким образом: «Значит, пока общество не напало еще на след этого закона, обуславливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна»²¹. Поскольку же Россия относится именно к таким странам, которые еще не напали на след этого естественного закона, то, должно быть, положение Маркса не только не противоречит идеям русского народничества относительно самобытного пути развития России и ее перехода в высшую форму общежития именно через сельскую общину, а, напротив, несколько даже подтверждает его.

В тот период Плеханов, вслед за Бакуниным, пытается доказывать, будто единственной реальной силой общественного развития являются экономические отношения и потому деятельность русских социалистов должна быть направлена исключительно на использование именно этих отношений в качестве единственного рычага общественного переустройства. Объявляя все остальное лишь пассивным следствием этих отношений, Плеханов и оказался одним из тех русских революционеров,

¹⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. 1, стр. 70.

¹⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. 3, стр. 139—140.

¹⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 3, стр. 140.

²⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. 1, стр. 20.

²¹ Там же, стр. 59.

которые «под влиянием бакунинской страшной путаницы понятий» искренне был убежден в том, «что чистый социализм ничего общего не имеет с политическими вопросами и потому» «социализм» и «политику» надо не совмещать, а противопоставлять».

Понятно, что при такой постановке вопроса, какими бы прогрессивными ни были мысли и высказанные Плехановым идеи относительно необходимости введения городского рабочего люда в орбиту революционного движения, они, по существу, мало чем способствовали революционизированию этого класса, его действительному активному вовлечению в дело социального переустройства общественной жизни. И прав был Плеханов, указывая впоследствии на то, что в данной проповеди они проповедовали рабочим не социализм, а тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих ненавидеть и презирать буржуазную политическую свободу и ставил перед ними в виде соблазнительного идеала только допотопные крестьянские учреждения.

Таким образом, Плеханов в тот период, не овладев еще ни диалектическим методом Маркса, ни его материалистической теорией исторического развития, не мог определить действительной роли русского пролетариата в освободительном движении. Однако именно тогдашняя деятельность Плеханова послужила одним из тех факторов, под разрушающим действием которых в нем зарождались и зрели предпосылки и возможности для отказа от народничества и перехода на путь марксизма.

Возможность же эта превращалась в действительность под действием поражения самой теории и практики «хождения в народ», и потому о ней также нельзя не сказать здесь хотя бы несколько слов.

Практика «хождения в народ», которой с таким энтузиазмом отдавались народники, как известно, кроме разочарования, ничего им не принесла. Крестьянские массы не поняли их и не пошли за ними. «Бессилие движения, несмотря на героизм одиночек», по словам Ленина, «постепенно стало очевидным и самим народникам». Их вера в относительно легкое совершение «социальной революции» была разбита. Народникам оставалось только критически взглянуть и оценить всю свою революционную деятельность. И они так и поступили. В результате, они начали себе представлять свое положение таким образом, якобы «дело не в мужике, а в правительстве» и потому надо встать на путь только террористических актов, как единственное средство совершения социальных преобразований.

Плеханов, который оказался наиболее талантливым из лидеров народничества, раньше всех понял ложность избранного его товарищами пути, и, смело и публично порвав с ними, пошел по другому пути, в сторону сближения именно с марксизмом, увлечение которым к тому времени росло в нем неудержимо.

Сам Плеханов так характеризовал оказанное на него влияние наступившего кризиса народнической программы и дальнейшее свое сближение с марксизмом: «Я уехал из Воронежа в Киев, увозя с собой безотрадное убеждение в том, что *народничество*, казавшееся мне тогда единственным возможным в России видом *социализма*, погибает, главным образом, благодаря нелогичности самих народников; я сознавал, что один в поле не воин, и с тоской спрашивал себя: что же мне остается делать?»²².

Когда вскоре после съезда организация «Земля и воля» раскололась на группу «Черный передел» и организацию заговорщиков и террористов «Народная воля», Плеханов с разделявшими его точку зрения В. Засулич, Л. Дейч, Л. Стефанович и некоторыми другими вошел в группу «Черный передел». Однако раскол не только не разрешил противоречий, а, напротив, еще больше обострил их. Но борьба эта имела все же то положительное значение, что борющиеся стороны не только критиковали друг друга, но вынуждены были глубже взглянуть и вдуматься и в собственные программы и таким образом попытаться исправить и собственные ошибки. А все это, в свою очередь, толкало наиболее способных и талантливых из них в объятия марксизма как единственного учения, способного дать правильные советы в решении любых сложных вопросов общественного развития.

Плеханов так характеризует этот период жизни народничества: «Споры с террористами, вращавшиеся главным образом вокруг вопроса о том, имеет ли *социалист* право заниматься *политической борьбой*, заставляли нас глубже вдумываться в главнейшие теоретические основы нашего учения, и тут, против нашего ожидания, в глубине нашей души начал пошевеливаться червяк разъедающего *сомнения*. У некоторых из нас, — у меня в том числе, — явилась сильная потребность дать себе *серьезный, основанный на обстоятельном знакомстве с литературой предмета*, отчет в том, что же собственно представляет собой современный социализм и в какой мере и почему он исключает «политику»?»²³

Таким образом, Плеханов со своими единомышленниками находит в мучительных раздумьях над тем, как наладить работу так, чтобы быть в состоянии возглавить русское освободительное движение, поднять и повести русский народ на революционные преобразования.

А между тем не дремал и русский царизм. Его сыщики, все сильнее и сильнее активизируя свои поиски наиболее видных революционеров, делают все более трудной их работу и все более опасным их пребывание в России. Плеханов с Засулич, Дейчем и Стефановичем, по настоянию менее «скомпрометиру-

²² Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 24.

²³ Там же, стр. 25.

вавших» себя товарищей, вынуждены были покинуть Россию и уехать за границу в надежде дожидаться там более благоприятного для революционной деятельности времени. Это была вторая его эмиграция, которая оторвала его на сей раз на 37 лет от родины и родного народа и обрекла на скитания из страны в страну на положении политического эмигранта. И можно представить себе, что должно было означать это вынужденное пребывание на чужбине для такого страстного патриота и политического деятеля, как Плеханов, который из отмеренных ему судьбою шестидесяти двух лет жизни больше половины находился за пределами Родины.

На этом заканчивается первая стадия эволюции мировоззрения Плеханова, и потому мы должны теперь сказать о том, что же характерно для тогдашних взглядов Плеханова на вопросы искусства и эстетики.

Следует сказать, во-первых, что за это время появилась всего лишь одна работа Плеханова, в которой нашло свое выражение его отношение к искусству и эстетике, это статья «О чем спор?» И это, конечно, не случайно. Напротив, это вполне закономерно, поскольку в этот период Плеханов в качестве профессионала-революционера основную свою задачу усматривал в агитации масс на почве «их ближайших и преимущественно экономических требований» и все остальное считал всего лишь пассивным следствием этих отношений, а поэтому не уделял должного внимания и вопросам искусства и эстетики. Это подтверждается и содержанием названной работы. В ней автор хотя и подвергает критическому рассмотрению творчество Г. Успенского, но критика эта дается не под углом зрения отношения искусства (как такового) к общественной жизни, и не под углом зрения специфически эстетической проблематики, а главным образом под углом зрения общего социально-политического спора времени о самобытном или несамобытном пути развития России и возможных формах ее перехода к социализму. Но даже эта работа довольно определенно свидетельствует о том, что и тогда Плеханов подходил к вопросам искусства и эстетики с точки зрения социально-политических интересов и запросов времени.

Весьма примечателен в этом отношении и тот факт, что сам этот вопрос для Плеханова представлял собою видоизмененную (соответственно новым обстоятельствам) форму всплывшего еще во времена крепостничества вопроса о том, «освобождать ли народ немедленно, и... если да, то что делать раньше: — «прежде просветить и потом уже освободить», или, наоборот, «прежде освободить и лишь потом просвещать его?»

Плеханов по этому вопросу считал, что «просвещение законного в крепостные цепи мужика — занятие столь же производительное, как и толчение воды в ступе»²⁴. А это еще раз

подтверждает тот факт, что на данной ступени развития социально-политических и философско-теоретических воззрений Плеханова он в вопросах социально-политического преобразования общественной жизни не придавал сколько-нибудь существенного значения вопросам искусства и эстетики.

Поэтому ценность данного его произведения и всего его творчества характеризуемого периода в отношении разработки вопросов эстетики и искусства сводится всего лишь к тому, что они *положили начало* эстетико-критическому его отношению к искусству и эстетике, которое займет в творчестве Плеханова в последующий период исключительно важное место.

Наряду с этим отметим и тот факт, что логика плехановских рассуждений в данном его труде если не прямо, то потенциально ставит вопрос об отношении художника к изображаемому им объекту; и эта-то логика как раз и говорит как о том, что удача художественного произведения для Плеханова во многом зависит от знания художником изображаемого объекта, от его умения проникать в существо изображаемого предмета, так и о том, что в будущей эстетической теории этого мыслителя одно из достойных мест займет проблема мировоззрения и творчества.

За пределами этих вопросов в творчестве Плеханова в этот период отсутствует эстетическая проблематика.

Второй работой, в которой нашло выражение отношение Плеханова к искусству и эстетике, является его статья «Два слова к читателям рабочим». Но она, во-первых, появилась в 1885 году, когда Плеханов уже успел вполне оформиться в подлинно марксистского мыслителя; и, во-вторых, именно поэтому ей присуща и иная проблематика, и иная постановка вопросов. В частности, в отличие от первой, для нее характерно подчеркивание огромнейшего значения литературы и искусства в деле революционного преобразования общественной жизни, революционного воспитания трудящихся масс. Ее характеризует и то, что она вселяет надежду и настраивает на то, что для ее автора вопросы искусства и эстетики не ограничиваются сказанным в этом труде и что впредь он вплотную намерен заняться ими. Это вскоре подтверждается всей массой появившихся его работ. Кроме того, Плеханов систематически выступает с лекциями и докладами по самым различным вопросам истории и теории искусства и эстетики. И все это говорит о том, что во всей деятельности Плеханова следующего периода вопросы искусства и эстетики действительно заняли одно из самых светлых мест и в этом свою роль сыграли происшедшие в его социально-политических воззрениях изменения, на которых и следует остановиться.

²⁴ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 2, стр. 213.

«Эх! Если бы хотя на несколько месяцев попасть в свободную страну, иметь под рукой библиотеку, встретить крупных людей»²⁵, — не раз вздыхал Плеханов в народнический период своей жизни. И эта возможность ему представилась в 1880 году в результате вынужденной эмиграции. В том году Плеханов, вынужденный с рядом товарищей покинуть Россию, переезжает границу и там с головой уходит в работу. Прибыл туда Плеханов с грузом множества недовьясненных и недопонятых вопросов теории и практики народничества и засел за книги в надежде рассеять «невольнo возникшие» у него сомнения, «найти незыблемую теоретическую основу» для народнических своих стремлений и упований. Именно в этой надежде он с неукротимой энергией берется за основательное пополнение своих познаний по самым различным отраслям знаний, начиная от философии и кончая геологией.

С научной добросовестностью и неослабным вниманием он читает и штудирует труды по истории, политической экономии и социологии, философии и историографии, литературе и искусству, эстетике и критике, углубляет и совершенствует свои научные познания в физике и математике, химии и геологии, антропологии и зоологии, анатомии и биологии. Однако, поскольку главным объектом его интересов остаются проблемы «народного социализма» на Родине, то и внимание Плеханова приковывается главным образом к произведениям научного социализма, среди которых, по понятной причине, центральное место заняли труды именно Маркса и Энгельса в подлиннике. Одновременно с этим он знакомится и с теоретической и практической деятельностью социал-демократических партий Германии и Франции.

Но все это вместе не только не оправдало надежд Плеханова «рассеять невольнo возникшие» свои сомнения и «найти теоретическую основу» своим народническим упованиям, но, «наоборот, — говорит сам Плеханов. — Чем более познакомились мы с теориями современного научного социализма, тем более сомнительным становилось для нас наше народничество как со стороны *теории*, так и со стороны *практики*»²⁶.

Так с ростом *сомнений* росли читаемые страницы по научному социализму, а чем больше становилось их количество, тем яснее становились для него слабые стороны его прежних народнических взглядов, в другом свете предстал перед ним его собственный революционный опыт. И пропустив, таким образом, через призму социал-демократической литературы все, что им «было сделано и узнано в России», Плеханов становится марксистом. В нем совершается скачок от народничества к марксизму, который зрел в нем давно. К переходному же периоду, в

полном смысле этого слова, может быть отнесено время со дня его отправления «за рубеж» до появления в 1883 г. известного его труда «Социализм и политическая борьба», который свидетельствует об авторе как о вполне сложившемся марксисте²⁷.

Теория Маркса, по словам самого Плеханова, послужила, таким образом, той Ариадниной нитью, которая вывела его из лабиринта тех противоречий, в которых билась его мысль до этого времени. «В свете этой теории, — пишет Плеханов, — стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян», она объяснила им факт необходимого и немедленного разрушения русской общины капитализмом и роста пролетариата как наиболее последовательного революционного класса. «Эта теория превращала в революционную заслугу то, что с точки зрения правоверного бакунизма являлось изменой революции, — именно борьбу за политические права, стремление к ниспровержению абсолютизма»²⁸.

Она указала ему, какие условия необходимы для успешного завершения той борьбы, которой посвящает Плеханов свою жизнь. «Из нее вытекало, что абсолютизм только тогда будет обречен на смерть, когда направленное против него движение превратится в классовое движение пролетариата, которое будет более или менее энергично поддержано также движением других классов или слоев, выдвинутых ходом экономического развития на общественную арену»²⁹.

Содержание брошюры свидетельствует о том, что ее автор твердо встал на социал-демократическую точку зрения и с этого горизонта теперь «хорошо видел то, чего не замечал прежде в качестве народника», а именно то, что агитация на экономической почве может и должна быть использована социалистами для политического воспитания трудящихся масс.

Весь этот период теоретической и политической деятельности Плеханова, охватывающий 1883—1903 гг., как раз и был посвящен дальнейшему углублению, совершенствованию и развитию марксизма и доведению до сознания русского рабочего класса его основных положений и установок.

27 Правда, в критической литературе о Плеханове и это его произведение нередко подвергается «критике за «сохранность в нем еще элементов народнического груза». (Подобное утверждение содержится, например, в предположительно «от издательства» замечаниях к отдельным изданиям работ Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», ОГИЗ, 1939 и 1948 гг., где сказано, что в этих работах Плеханова *имеются еще не изжитые окончательно остатки народнических взглядов*» и т. д.) (курсив наш. — Р. К.). Нам кажется, что подобные заключения лишены основания. По крайней мере, если исходить из обстоятельств и условий, в которых создавалось произведение, и, что самое важное, если исходить из духа произведения, то можно смело утверждать, что подобные попытки по меньшей мере тенденциозны.

28 Г. В. Плеханов. Соч., т. 24, стр. 179.

29 Там же.

25 Архив Дома Плеханова, АП-13а, стр. 147.

26 Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 26.

Но практическая реализация этих сложных и трудных, но благородных задач требовала параллельного решения ряда других задач, к которым могут быть отнесены такие, как расчистка почвы для их восприятия русским читателем, что предполагало идейный и организационный разгром народничества и основание социал-демократической партии в России и т. д. Решая именно эти задачи, Плеханов начал свою деятельность по ознакомлению русского читателя с произведениями Маркса и Энгельса, излагая для русского читателя смысл и содержание основных идей этих произведений, знакомя его с основными положениями созданной Марксом и Энгельсом диалектико-материалистической философии, материалистической теории исторического развития, теорией научного социализма. В то же время в силу общности интересов рабочего класса всех стран и невозможности абсолютного отделения социалистических преобразований в России от революционного движения в других странах, ввиду интернационального характера социализма вообще деятельность Плеханова не ограничивается русской действительностью, и вскоре он становится одним из видных деятелей и международного рабочего движения. Ему приходится вступать в непримиримую борьбу с различного рода открытыми и скрытыми врагами и фальсификаторами марксизма, и он стойко и последовательно отстаивает чистоту марксистского мировоззрения, его несовместимость ни с каким другим «измом».

Многочисленные труды Плеханова этого самого плодотворного периода его жизни посвящаются самым различным вопросам марксизма и имеют огромное значение в развитии как русского, так и международного революционного рабочего движения. Но поскольку, во-первых, деятельность Плеханова этого периода, на наш взгляд, характеризуется в основном правильно, во-вторых, в своей деятельности, и в марксистский и в меньшевистский периоды, он с одинаковой интенсивностью работал над проблемами искусства и эстетики, и, в-третьих, и это самое главное, между плехановскими работами обоих этих периодов нет, по нашему убеждению, той непроходимой пропасти, которая рисуется в литературе, то мы пока оставим характеристику этого второго периода и перейдем к третьему. Но такая постановка вопроса нас естественно сталкивает с проблемой соотношения марксизма и меньшевизма Плеханова. Эта проблема настолько сложна, многогранна и самостоятельна, что здесь невозможно дать ее сколько-нибудь полное освещение. Однако в плане нашей темы мы не можем не указать здесь на некоторые стороны этой проблемы.

Во-первых, мы полагаем, что не существует того страшного противоречия между марксизмом и меньшевизмом Плеханова (какое обычно изображают) не только в вопросах искусства и эстетики, но и в вопросах социально-политического, и тем более философско-теоретического порядка. При этом мы не хотим

сказать, что вообще нет никакого противоречия здесь, что нет в принципе противоречия между марксизмом и меньшевизмом, или, что сам Плеханов не был ни тем, ни другим, а всего лишь то, что он ими был *по-особому*.

И в самом деле, обычно Плеханова считают даже не просто теоретиком-идеологом меньшевизма, но и *вождем* его, с чем, конечно, невозможно согласиться хотя бы потому, что в действительности вождями меньшевизма были Мартов, Дан, Потресов, Валентинов и другие, но никак не Плеханов. «Заслуги» Плеханова в этом вопросе сводятся всего лишь к тому, что он, во многом, действительно, разделяя основные положения меньшевизма, тем самым, благодаря своему большому авторитету, в самом деле способствовал утверждению меньшевизма. Плеханов и по отношению к большевикам, и по отношению к меньшевикам занимал *особую позицию*, более или менее близко приближаясь то к одним, то к другим, а точнее, по одним вопросам — к одним, по другим — к другим, хотя в целом он в большей мере и приближался именно к меньшевикам. Это отмечал и В. И. Ленин³⁰, и это подтверждается и заявлениями самого Плеханова:

«Я никогда не предполагал, что, выступая крайне непримиримым в «Г. С. Д», мы можем в легальной печати идти под руку с Валентиновым, Юшкевичем и прочей полумарксистской сволочью (Не поставьте мне в вину, что я раньше не выражался так резко: думал-то я о них всегда так)... Пишите, где хотите, но *предварительно размежуйтесь с людьми, вносящими в марксизм элементы ереси*. На очереди, по моему мнению, размежевание именно с полу-марксистами Валентиновым, Потресовым»³¹ и т. д.; в другом письме к Аксельрод он пишет: «...Я теперь решительно ни в каких отношениях к меньшевизму не стою»³². ... В письме в Международное социалистическое Бюро 16 июля 1905 г. Плеханов относительно своей позиции к большевикам и меньшевикам писал: «Я ни за одних, ни за других»³³. То же самое он подтверждает в письме к Л. Аксельрод, рекомендуя и ей держаться той же позиции: «Я думаю, — пишет он, — что Вам лучше держаться того положения, что Вы не принадлежите ни к большинству, ни к меньшинству и готовы работать для каждой из фракций, поскольку она борется с царизмом и с капитализмом, а не с другой фракцией. Выступить Вам необходимо равно как и мне. Я не могу дышать тем воздухом, которым приходится теперь дышать всякому, принадлежащему меньшинству»³⁴.

В апреле 1912 года по этому же поводу Плеханов в письме к Александре Михайловне пишет: «Думается мне, впрочем, что

³⁰ См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 133, 222—223 и т. д.

³¹ Архив Дома Плеханова, ед. хр. А. 28. 2, инв. № 329.

³² Архив Дома Плеханова, ед. хр. А. 8. 132, инв. № 134.

³³ Там же.

³⁴ Архив Дома Плеханова, ед. хр. А. 8. 128, инв. № 130.

Вы стоите не столько за единство, сколько за торжество *одной* стороны, и это жаль...»³⁵.

Интересен в этом отношении и ответ Р. М. Плехановой Л. Г. Дейч (1910), который мы уже приводили выше.

Но чем обусловлено такое поведение Плеханова? Оно, по нашему убеждению, исходило не из какого-то его двуличия, а из того, повторяем, что в действительности в самих воззрениях Плеханова нет той непроходимой пропасти между марксизмом и меньшевизмом его, которая есть в литературе.

Сам Плеханов на этот счет в 1908 году писал, что его «мировоззрение остается неизменным с тех самых пор, как сделался... марксистом в начале семидесятых годов прошлого века... Что касается в частности моих тактических взглядов, пишет он там, то и они остаются неизменными с того самого времени, как вышли в свет главные издания группы «Освобождения труда»»³⁶.

Так характеризовал сам Плеханов соотношение своих воззрений обоих периодов, и не верить ему в этом нет оснований. По крайней мере, в главном это действительно соответствует исторической правде. Так, в сфере социально-политической главное в марксизме, как известно, составляет теория социалистической революции со всеми своими компонентами и атрибутами. Среди последних выделяются вопросы о соотношении буржуазно-демократической и социалистической революции, о роли пролетариата в этих революциях, о союзе пролетариата и крестьянства при руководящей роли пролетариата, об установлении пролетарской диктатуры. И мы со всей ответственностью утверждаем, что ни один из этих вопросов *в их общетеоретической постановке* не отрицался Плехановым ни в марксистский, ни в меньшевистский период его исторической деятельности.

В решении всех этих вопросов Плеханов исходил из того положения марксизма, что «ни одна общественно-экономическая формация не исчезает раньше, чем разовьются все производительные силы, которыми она располагает и которым она предоставляет достаточного простора», и что «новые, высшие производственные отношения никогда не занимают места прежних раньше, чем вырабатываются в недрах старого общества материальные условия их существования». Что касается России, то она, по Плеханову, несмотря на ее вступление на путь капиталистического развития, все еще не стала классической капиталистической страной. Но по самим законам общественного развития она неминуемо должна пройти эти фазы на своем пути к коммунистической организации общественной жизни.

Потому в качестве ближайшей задачи русского общественного развития Плеханов выдвигает борьбу за торжество именно капиталистического способа производства, капиталистических общественных отношений, а не социалистических. Задача со-

циалистических преобразований в России в качестве практически возможной встанет на повестке дня лишь после того, когда капитализм, изжив себя, подготовит необходимые объективные условия и предпосылки для подобного перехода здесь. Отсюда получается, что поскольку (хотя ход истории и имеет свои, от воли и сознания людей не зависящие объективные закономерности) люди не лишены возможности воздействовать на эти закономерности в плане их ускорения или замедления, то социал-демократы, ставящие своей главной задачей и конечной целью торжество именно социализма, а не капитализма, должны прилагать все усилия к тому, чтобы тот капитализм, через который лежит путь этого перехода, восторжествовал скорее, с тем, чтобы он быстрее подготовил нужные для социалистического преобразования страны условия и предпосылки. Значит, перед русской социал-демократией стоит такая двойная задача: с одной стороны, собрать и организовать на борьбу с русским абсолютизмом все те общественные силы, которые так или иначе заинтересованы в ликвидации докапиталистических общественных отношений и порядков, и, с другой стороны, вести эту работу с таким расчетом, чтобы в ходе ее русский рабочий класс был подготовлен к самостоятельным решительным битвам за социалистические преобразования. Эти два момента, хотя и не смогут никогда совпасть, но субъективные факторы способны значительно сблизить их, и потому свою борьбу за торжество буржуазных порядков мы должны вести таким образом, чтобы наша «буржуазная революция послужила лишь непосредственным прологом революции рабочей». Все эти идеи и установки Плеханова нашли свое выражение уже в первом его марксистском труде «Социализм и политическая борьба», где он писал: «...борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной и наступательной роли — с другой, такова, по нашему мнению, «постановка партийных задач», единственно возможная в настоящее время. Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества — значит отдалять наступление и того, и другого. Но от нас зависит сблизить эти два момента»³⁷.

В трудах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» Плеханов указал и на ряд отличительных, по сравнению с Западом, особенностей русской действительности, которые, по его убеждению, определяют специфические особенности будущих русских революционных событий. К подобного рода особенностям Плеханов относил прежде всего то, что хотя в России дело и подвигается к «более или менее полному торжеству» русского капитализма и этого миновать невозможно,

³⁵ Архив Дома Плеханова, ед. хр. А. 86. 5, инв. № 5138.
³⁶ «Исторический Архив», № 6, 1956, стр. 15.

³⁷ Г. В. Плеханов. «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия». ОГИЗ, 1948, стр. 79.

все же наш капитализм *отцветет раньше, нежели «успеет окончательно расцвести»*. Случится это с ним потому, что русская буржуазия больше, чем буржуазия какой-либо другой страны, запоздала к своему экономическому и политическому господству, в результате чего «социалистическое движение началось у нас уже в то время, когда капитализм был еще в зародыше»³⁸. Обстоятельства эти настолько обостряют взаимоотношения между буржуазией и пролетариатом в России, что если учесть, что ей предстоит совершить буржуазную революцию именно в такой международной обстановке, когда на Западе с подобными революциями уже покончено и на очереди там стоят социалистические преобразования, то станет понятным, что торжество русской буржуазии не может быть продолжительным.

«Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дают право надеяться, — пишет Плеханов, — что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия *«пришла слишком поздно»*, то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не *«слишком поздно»* начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне современным и насущным»³⁹.

От внимания Плеханова не ускользнула и вытекающая отсюда новая расстановка общественных сил, о которой он пишет, что в будущей русской революции, несмотря на ее буржуазный характер, главную роль по вышеотмеченным причинам суждено сыграть не буржуазии, а пролетариату. «С точки зрения социал-демократии, — писал Плеханов, — истинно революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего класса»⁴⁰, и что «инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров. — класс... освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий»⁴¹.

Ближайшим же союзником пролетариата в этой борьбе Плеханов считал не буржуазию, как утверждается в литературе некоторыми его исследователями, а крестьянство, которое, при всей своей двойственности и непоследовательности, все же имеет немало и таких интересов, которые склоняют его на сторону пролетариата. Выступая против тех, кто считал, будто пролетариат до полного разорения и обезземеливания крестьянских масс не найдет никакой поддержки в среде последних, Плеханов писал: «Мы не держимся того взгляда — скорее, как мы

видели, навязанного школе Маркса, чем существовавшего в действительности, — взгляда, по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьянской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. Мы думаем, что, в общем, русское крестьянство отнеслось бы с большей симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли». При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требования такого рода мер в свою программу»⁴².

Что касается буржуазии, то она может и должна участвовать в революции буржуазной, но не в качестве руководителя, не гегемона — им безраздельно и бесспорно является пролетариат, — а в качестве силы, заинтересованной в ликвидации и упразднении докапиталистических общественных порядков и потому оппозиционно стоящей к русскому абсолютизму. Всякое пренебрежение оппозиционным настроением буржуазии, сбрасывание ее со счетов революционного баланса Плеханов объявлял неза заслуженной самонадеянностью со стороны русских социалистов. «Мы должны, — рекомендовал Плеханов, — последовать прекрасному примеру немецких коммунистов, которые шли, по словам *Манифеста*, «рядом с буржуазией, поскольку она являлась революционной в борьбе своей против абсолютной монархии», и, в то же время, ни на минуту не переставали выработать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата»⁴³.

Роль же руководителя Плеханов безоговорочно отводил именно пролетариату, предупреждая деятелей русского освободительного движения о том, что «для социалистов было бы очень невыгодно, если бы руководство борьбой перешло в руки наших либералов»⁴⁴.

В России, указывал Плеханов, немало слоев и личностей, оппозиционно настроенных против русского абсолютизма и желающих наносить ему отдельные удары. «*Но, помимо рабочих, нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить и добить раненное террористами политическое чудовище»*⁴⁵.

Русским социалистам тем легче и удобнее подготовить пролетарские слои своего отечества, указывал Плеханов, к сознанию необходимости идти именно за рабочими организациями, а

³⁸ Г. В. Плеханов. «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия». ОГИЗ, 1948, стр. 300.

³⁹ Там же, стр. 79.

⁴⁰ Там же, стр. 336.

⁴¹ Там же, стр. 373.

⁴² Г. В. Плеханов. «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия». ОГИЗ, 1948, стр. 80.

⁴³ Там же, стр. 79.

⁴⁴ Там же, стр. 100.

⁴⁵ Там же, стр. 395.

не за буржуазией, потому что «если в «Западно-европейских странах» пролетариат очень часто боролся против абсолютизма под знаменем и под верховным руководством буржуазии», и «отсюда являлась умственная и нравственная зависимость его от вожаков либерализма, вера в исключительную истинность либеральных девизов, убеждение в неприкосновенности буржуазного порядка, то «наше «общество» лишено такого основания на рабочий класс, и социалистам нет ни нужды, ни выгоды создавать его заново. Они должны указать рабочим их собственное, рабочее знамя, дать им вожаков из их собственной рабочей среды, короче, должны позаботиться о том, чтобы не буржуазное «общество», а тайные рабочие организации приобрели господствующее влияние на умы рабочих»⁴⁶.

В этих трудах Плеханов остановил внимание читателей и на проблеме власти в процессе революционной борьбы. Плеханов разъяснял своим соотечественникам основное положение марксизма о том, что класс, идущий к общественному господству, не может обходиться без политической власти, что вопрос захвата власти является одним из главных и решающих вопросов всякой революции. При этом Плеханов, указывая на такую основополагающую установку марксизма, как то, что характер политической власти определяется, главным образом, развитием «производительных сил и соответствующей им организации производства», отмечал, что к власти должен стремиться тот класс, для господства которого созрели объективно необходимые условия, т. е. соответствующая общественная организация производства. Всякие же другие попытки захвата власти чреватые неправимыми тяжелыми последствиями. Ибо захват власти представителями класса, не подготовленного к этому объективным экономическим развитием, приведет к тому, что они будут вынуждены отстаивать интересы не своей собственной партии и своего класса, а интересы того класса, для господства которого созрели объективные условия. Поэтому, отстаивая интересы чуждого ему класса, подчас даже против своей воли, они вынуждены будут отделяться фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы этого другого класса являются интересами его собственного класса⁴⁷.

Следовательно, русский пролетариат может стремиться к захвату власти только тогда, когда страна будет подготовлена к этому, а ее должны подготовить результаты буржуазной революции, которые только и смогут создать необходимые условия и предпосылки для торжества социалистической революции и установления диктатуры пролетариата. Плеханов отмечал, повторяем, что от русских революционеров многое зависит в сближении этих двух моментов общественного развития, но «вести революционную борьбу с расчетом на то, что они абсо-

лютно совпадут в истории нашего отечества — значит отделять наступление и того и другого». А это значит, что в первом случае, и речи не может быть о захвате власти пролетариатом, несмотря на то, что именно ему суждено сыграть главную роль и в этой борьбе. «...Мы думаем, — писал Плеханов в этом плане в связи с тактикой народнической идеи захвата власти, — что если «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих», то никакая диктатура ничего не сделает там, где рабочий класс «городской и сельский», не подготовлен к социалистической революции. А такая подготовка идет обыкновенно параллельно с развитием производительных сил и соответствующей им организации производства. Вот почему мы и задавались вопросом — насколько современные экономические отношения России оправдывают программы людей, стремящихся к захвату власти и обещающих совершить, с ее помощью, целый ряд социально-политических чудес! Есть ли у этих людей более физической возможности исполнить свои обещания, чем у синицы, собиравшейся зазечь море? И мы пришли к отрицательному ответу»⁴⁸.

Так выглядят в основном политические и тактические воззрения Плеханова со времен его решительного вступления на путь марксизма до меньшевистского периода его развития. И его заявление на Парижском Международном рабочем социалистическом конгрессе в 1889 г., что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может» — представляет собою концентрированное выражение изложенных выше мыслей и соображений. Под «революционным движением рабочих» здесь имеется в виду не социалистическая революция, а та главенствующая роль рабочих, которую они должны сыграть в борьбе с докапиталистическими общественными порядками. Это подтверждается и тем, что свершение Февральской революции в России Плеханов так и расценивал как осуществление данного его пророчества, о чем он говорил в своей речи 2-го апреля 1917 года на Совещании делегатов Советов в Петрограде⁴⁹.

Какие же изменения в этих воззрениях Плеханова произошли после 1903 года? Поскольку эти взгляды касаются революционного движения, то наиболее ярко и определенно они

⁴⁸ Г. В. Плеханов. «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия». ОГИЗ, 1948, стр. 329—330.

⁴⁹ Ссылаясь там на эти свои пророческие слова, он добавляет: «У многих это вызвало сомнение. Но время шло, и то, что казалось утопией, стало представляться реальной истиной... постепенно ход обстоятельств устанавливался так, что истина наших воззрений оправдывалась. И вот теперь, когда я имею счастье находиться в свободном Петрограде и обращаться к Российскому пролетариату, я спрашиваю вас, товарищи, где же эта утопия, в которой нас обвиняли? Вера в пролетариат оказалась не утопией, а действительностью» (Г. В. Плеханов. Год на Родине, т. I, стр. 139).

⁴⁶ Г. В. Плеханов. «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», ОГИЗ, 1948, стр. 390.

⁴⁷ Там же, стр. 67—71, 79, 329, 371.

должны были проявиться в его отношении к нарождающейся первой русской революции и поэтому к характеристике этого отношения Плеханова мы и перейдем.

* * *

В литературе о Плеханове его критики, касаясь данного вопроса, доказывают, что Плеханов не понял сущности и движущих сил первой русской революции и это непонимание выразилось, по словам критиков, прежде всего в том, что он «делал неправильный вывод, что рабочий класс не может быть руководящей силой революции»; «не выдвинул вопроса о роли пролетариата как *гегемона революции*, не показал отличия его революционности от революционности остальных классов»; «не понял значения русского крестьянства в освободительном движении, сбрасывал его со счетов революции, отводя главную роль в ней либеральной буржуазии»; отрицал роль крестьянства как союзника пролетариата»⁵⁰ и т. д.

В какой же мере они соответствуют действительности?

Ответ на этот вопрос требует предварительного выяснения следующих четырех обстоятельств: 1) Из какого материала исходят критики Плеханова в данных своих утверждениях? 2) Насколько аутентично они передают мысли самого автора? 3) Какая мотивация ими руководит? 4) И, наконец, ввиду того, что эти обвинения Плеханову предъявлялись еще при жизни, то как он реагировал на них?

* * *

Правомерность своих претензий Плеханову критики обосновывали ссылками на следующие места из сочинений Плеханова: на то, что в представленном им II съезде РСДРП проекте программы не значится «диктатура пролетариата»; что в литературном его наследии содержатся такого рода выражения, как: «Пролетарский» и «мужичок» — это настоящие политические антиподы»⁵¹; что «историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка»...»⁵² что «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства...»; что крестьянина «его положение делает не революцио-

нером, а консерватором или даже реакционером...»⁵³; что «кроме буржуазии и пролетариата, мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации»⁵⁴; что «развитие капитализма принесло с собой не только окончательное разорение крестьянского хозяйства... Оно подорвало основы самодержавия и вызвало к жизни те общественные классы, которым суждено быть его могильщиками...»⁵⁵

Слов нет, что если исходить только из этих выдержек из сочинений Плеханова, без учета общего духа самих произведений, контекста, в котором они содержатся, идеологической борьбы, в горниле которой они формировались, установки самого автора и т. д., то, конечно же, создается впечатление «полной достоверности и правомерности» утверждений критиков Плеханова. Но при соблюдении отмеченных во введении девяти методологических установок исследования творческого наследия Плеханова, часть которых составляют отмеченные здесь упущения и нарушение которых никому не позволено, эти выдержки из работ Плеханова приобретают существенно иное звучание. По меньшей мере они делают весьма спорными утверждения критиков Плеханова по следующим мотивам: во-первых, потому и в том отношении, что в творческом наследии Плеханова по всем характеризующим здесь вопросам имеются и утверждения диаметрально противоположного содержания, которые к тому же ни в количественном, ни в качественном отношении не то что не уступают первым, а существенно превосходят их. При этом очень важно, что они нередко содержатся даже в тех же самых произведениях, а иногда и абзацах, которые цитируются его оппонентами. Так например, абзац, из которого берутся слова о том, что «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации» и который почему-то толкуется не только как ограничение автором революционных сил в стране буржуазией и пролетариатом, но еще и как *отведение решающей роли* в революции именно буржуазии, а не пролетариату, в контексте гласит так: «Опыт нашего революционного движения ясно показал нам, что силами одной интеллигенции царизм не может

⁵³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, стр. 295; т. XV, стр. 205; избр. фил. пр., т. I, стр. 378.

⁵⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 119.

⁵⁵ Там же, стр. 384. См.: к примеру; История философии в 6 т., изд. АН СССР, т. 5, стр. 290; В. А. Фомина. Философские взгляды Г. В. Плеханова. М., 1955, стр. 228—232; М. М. Розенталь. Вопросы эстетики Плеханова. М., 1939, стр. 17—22; Г. Е. Матвеев. Г. В. Плеханов и буржуазная историография нач. XX в. по русской философии и общественной мысли. Ижевск, 1974; С. В. Тютюкин. Первая русская революция и Г. В. Плеханов. М., 1981, стр. 92, 97, 99, 105, 111, 113 и др.; Б. А. Чагин. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л., 1977, стр. 195; И. Н. Курбатова. Начало распространения марксизма в России. М., 1983 и др.

⁵⁰ См.: История философии в 6-ти томах изд. АН СССР, т. V, стр. 290, В. А. Фомина, «Философские взгляды Г. В. Плеханова». М., 1955; Г. М. Матвеев. Г. В. Плеханов и буржуазная историография нач. XX века по русской философии и общественной мысли. Ижевск, 1974; С. В. Тютюкин. Первая русская революция и Г. В. Плеханов. М., 1981 и др.

⁵¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 382.

⁵² Там же, стр. 383.

быть побежден. Чтобы свергнуть его, необходимо ввести в бой новые армии, те армии, которые до сих пор стояли в резерве — армии рабочего класса. *Мы не можем рассчитывать на прочную поддержку буржуазии.* Если немецкая буржуазия, как выражается Энгельс, поздно пришла, то русская буржуазия еще более опоздала. Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации» (курсив наш. — Р. К.).

Думаю, что абзац в такой своей целостности, без известного насилия над логикой мысли, никак не подтверждает заключения оппонентов Плеханова. Он не подтверждает их заключения, во-первых, потому, что если бы тут автор действительно, кроме буржуазии и пролетариата, не признавал никаких других революционных сил в стране, то куда, в таком случае, деть те «оппозиционные» и «революционные комбинации», которые значатся там?!

Совсем не случайным представляется здесь и как само деление последних на *оппозиционные* и *революционные*, так и их последовательность, в которых трудно не заметить убеждение автора в том, что из этих двух комбинаций, как правило, первые будут стекаться к буржуазии, вторые — к пролетариату, хотя в каких-то экстремальных ситуациях возможна и несколько иная их комбинация.

Но если автор выделяет буржуазию и пролетариат как два центра притяжения оппозиционных и революционных сил страны, то не означает ли это, что именно их-то он и считал *решающими* силами революции, поскольку из остальных революционных или оппозиционных сил ни одна (в том числе и крестьянство) не значится там самостоятельно. Не следует ли отсюда, следовательно, что он уже тем самым ставил крестьянскую революционность ниже буржуазной революционности? Ответ на этот вопрос содержится в выяснении того, что он конкретно имел в виду в этом выделении буржуазии и пролетариата как двух центров притяжения именно оппозиционных и революционных сил страны. И плехановское литературное наследие дает все основания утверждать, что в данном случае автор разумел единственно то обстоятельство, что из всех революционных и оппозиционных сил страны в борьбе с русским абсолютизмом со своей сколь-нибудь *целостной самостоятельной программой* могут выступить только буржуазия и пролетариат. Ни одна из других социальных групп, классов и партий по своему объективному существу не в состоянии выдвинуть такую программу и потому, ввиду именно половинчатости своих программ, они, по объективной необходимости, рано или поздно будут вынуждены примкнуть либо к буржуазной, либо к пролетарской программе. В подтверждение тому можем сослаться на его работу «Внутреннее обозрение», где он пишет: «Прежде в основании наших революционных программ лежала непоколебимая уверенность в экономической

самобытности России. Эта точка зрения отправления была у всех одна, поэтому теоретические разногласия между революционерами по существу дела оказывались незначительными. Но вот пришло такое время, когда все увидели, что экономическая самобытность России быстро отходит в область патриотических преданий. Явилась настоятельная потребность коренным образом переделать все революционные программы, приведя их в соответствие с новыми условиями общественной жизни. ...такого рода пересмотры всегда вызывают множество споров и разногласий... Но у людей, желающих что-нибудь сделать, не могут же вечно продолжаться программные споры. Мало-помалу снова сгруппируются разрозненные теперь силы русских революционеров. Уже теперь, при всем разнообразии революционных взглядов, ясно, что *только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое.* Все остальные «программы» представляют собою лишь *эклетиическую смесь этих двух направлений и потому осуждены на исчезновение* (курсив наш. — Р. К.). Постепенно взгляды наших революционеров настолько выяснятся, что их перестанут удовлетворять программы-ублюдки, и тогда одни из них *совершенно махнут рукой на социализм* и впрягутся в либеральную колесницу, *другие же совершенно усвоят себе социалистические взгляды, т. е. сделаются социал-демократами*»⁵⁶.

В этом русле работает мысль Плеханова и в его заявлении о том, что развитие капитализма подорвало основы самодержавия и вызвало к жизни те общественные классы, которым суждено быть его «могильщиками», что видно из продолжения цитаты, где сказано: «Один из этих новых на Руси общественных классов — и наиболее революционный из них: *пролетариат* — уже теперь, в лице своих лучших представителей, хорошо сознает свои политические задачи. Другой — отсталый, буржуазия — должен будет сознать *свои* под страхом разорения. Это уже огромный шаг вперед, это надежное ручательство за лучшее будущее, это полное отрицание азиатского застоя, составлявшего когда-то отличительную черту России»⁵⁷.

Так вот выглядят рассуждения автора в контексте, и для непредубежденного читателя, думаю, очевидно, что критики при его цитировании значительно извращают суть концепции мыслителя.

Для непредубежденного читателя ясно, таким образом, что цитата никак не указывает, что автор проводил знак равенства между революционностью буржуазии и революционностью пролетариата; что он именно буржуазию считал ближайшим союзником пролетариата, и именно ей отводил главную роль в революции. Но поскольку убеждение это приняло силу привычки, то для его опровержения придется привлечь более достоверный

⁵⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 235—236.

⁵⁷ Там же, стр. 384—385.

материал, в смысле более однозначного выражения мыслей автора по характеризующим вопросам.

По вопросу о том, будто в представленном Плехановым II съезду проекте программы обойдена «диктатура пролетариата», дело обстоит таким образом. В проекте «диктатура пролетариата» терминологически действительно не значится. Но вот как сам Плеханов объясняет это обстоятельство. В письме к В. Засулич, как члену комиссии по выработке нового проекта программы партии, поставившей в известность Плеханова о том, что комиссия намеревается в представленный им проект программы наряду с другими дополнениями внести и «диктатуру пролетариата», Плеханов пишет: «Против прибавки, касающейся диктатуры пролетариата, я ничего не имею. Фрей (В. И. Ленин. — Р. К.) нашел в бытность мою в Мюнхене, что в моем первом проекте о ней говорилось слишком «крикливо». Я заменил выражение «диктатура пролетариата» выражением «власть пролетариата». Это одно и то же, ибо в политике кто имеет власть, тот и диктатор»⁵⁸.

Сохранился этот первый проект Плеханова с ленинскими замечаниями, и там действительно сказано следующее: «Чтобы заменить капиталистическое производство товаров социалистической организацией производства продуктов для удовлетворения нужд общества и для обеспечения благосостояния всех его членов, чтобы совершить революцию, пролетариат должен иметь в своих руках политическую власть, которая сделает его господином положения и позволит ему беспощадно раздавить все те препятствия, которые встретятся ему на пути к его цели. В этом смысле диктатура пролетариата составляет необходимое политическое условие социальной революции»⁵⁹. А Ленин отмечает на полях: «Господином положения», «беспощадно раздавить», «диктатура»??? (довольно с нас социальной революции)»⁶⁰.

⁵⁸ Ленинский сб., изд. 3, т. 2, стр. 95.

⁵⁹ Там же, стр. 17—18.

⁶⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 200.

Во избежание возможных недоразумений хочу заметить, что здесь нет абсолютно ничего компрометирующего имени вождя партии и народа. Они свидетельствуют всего лишь о недопустимости смотреть и на Ленина как на какое-то сверхъестественное существо, которому по божьему дару всегда были известны заранее как сами проблемы теории и практики марксизма, так и их решение и что потому уста его, подобно Дельфийскому оракулу, изрекали одни только истины последней инстанции. Ленин был живым вождем живого рабочего движения, и каким бы ни был он гениальным человеком, его воззрения так же складывались исторически, через борьбу мнений, уточнение мыслей, преодоление сомнений, а подчас и заблуждений. А во всем этом не могла не сыграть свою роль и его полемика с Плехановым, ибо на марксистское формирование Ленина Плеханов влиял не только в ученический период его жизни и первыми своими марксистскими трудами, но и после, равно как и со своей стороны Ленин оказывал на ход мыслей и идей Плеханова не менее действительное влияние. И оно иначе и быть не могло, хотя бы потому, что полемика вообще (а тем более между такими историческими фигурами, как В. И. Ленин и Г. В. Плеханов) по сути своей такова, что она влияет на участников обоюдно, причем одновременно и позитивно и негативно.

Примечательно, что пункт диктатуры пролетариата Плеханов страстно отстаивал и на съезде партии. Характерен в этом отношении его ответ Д. Б. Рязанову, объявившему представленный комиссией проект программы «оппортунистически искаженным проектом первоначального проекта программы группы «Освобождение труда», в котором он, в частности, говорил: «Нынешний наш проект программы есть именно не что иное, как старый проект группы «Освобождение труда», вновь изданный с соответствующими изменениями. Рязанов не одобряет этих изменений, но мы убеждены, что без них обойтись невозможно, и если бы наша партия поручила нам написать новую программу и при этом взять за точку исхода старый проект нашей группы, то мы немедленно и нимало не колеблясь восстановили бы параграф за параграфом, проект, известный теперь под именем проекта редакции «Искры» и «Зари». Никакого другого проекта мы не могли бы написать по той простой причине, что всякий другой проект не так точно выражал бы наши взгляды»⁶¹.

Нелишним нам представляется здесь напомнить и о том, что, по свидетельству Л. Б. Каменева (первого директора института В. И. Ленина при ЦК РКП(б), он же и редактор Ленинского сборника), В. И. Ленину было предоставлено право печатного выступления с критикой принятого съездом проекта программы, и В. И. Ленин не только не воспользовался этим своим правом*, а больше того, вся теоретическая часть этой программы (которая в основном была написана Плехановым) была введена и во вторую программу партии (и это уже после смерти Плеханова), и введена она была именно по настоянию Ленина при некотором сопротивлении некоторых других членов комиссии⁶².

Разумеется, вопрос диктатуры пролетариата не исчерпывается сказанным. Он многосторонен и многомерен; один из главных элементов его составляет вопрос о союзниках пролетариата. Но об этом ниже. А здесь пока остановимся на плехановском понимании отличия революционности пролетариата от революционности других классов.

* * *

По этому вопросу у Плеханова имеются такого рода утверждения: «Революционное движение в России восторжествует только как рабочее движение или же никогда не восторжествует»⁶³. В письме к рабочим (1906 г.) он повторяет: «Мы не пе-

⁶¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, стр. 373.

* Каменев считает, что Ленин поступил так из-за сохранения единства группы «Искра»... и фронта с Плехановым. Но едва ли есть основание согласиться с подобным допущением, поскольку программные вопросы по существу своему вообще не допускают компромиссных решений, а тем более по таким кардинальным проблемам, о которых идет речь здесь.

⁶² См.: Ленинский сборник, т. II, стр. 13, 28.

⁶³ Г. В. Плеханов. Изб. филос. пр., т. 1, стр. 421.

реставали твердить, что освободительное движение восторжествует у нас как движение рабочего класса, или совсем не восторжествует»⁶⁴. В цитированном выше письме к комиссии по составлению проекта программы в связи с ее претензиями на то, будто в его проекте пункты о классовой борьбе и социальной революции формулируются не в достаточно пролетарском духе, Плеханов с негодованием замечает: «Совершенно не понимаю, как это формулировать пункты в духе пролетарской (надеюсь, не Мартыновской) борьбы. А я как формулировал? Вся наша программа, *от начала до конца*, должна иметь в виду именно эту борьбу, но если кому-нибудь не нравится, что в моем проекте указано на то, что пролетариат совершит революцию, поддержанный другими слоями эксплуатируемой массы, то здесь я вижу *принципиальное разногласие*. Дело не в том, что пролетариат совершит революцию в интересах этих слоев, а в том, что некоторые из них он может и должен привлечь для совместной борьбы с капитализмом».

В другом месте он также пишет: «Политическая свобода будет завоевана рабочим классом или ее совсем не будет»⁶⁵; что «... единственно общественной силой, революционной в полном смысле этого слова, является в настоящее время пролетариат. Именно пролетариат должен быть, как я выразился на Лондонском съезде 1907 г., демиургом русской революции, пользующимся другими революционными и оппозиционными общественными элементами как орудиями для своего революционного действия»⁶⁶.

И далее: «Сила нашего революционного движения остается в движении рабочего класса»⁶⁷; «Прошли те времена, когда пролетариат служил орудием буржуазии, миновали без возврата. Теперь пролетариат является демиургом нашей революционной действительности. Теперь он — главная сила. И это дает ему особые права, это налагает на него особые обязанности»⁶⁸; «... мы думаем, что пролетариат, этот носитель великой идеи нашего времени, может топтать ногами все *отжившее* и пользоваться всем *существующим* для своей великой цели. Он может и должен поступать так, ибо он был, есть и будет главным двигателем революции в наше время!»

Этот перечень можно продолжить, но считаем, что и сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что у автора нет никакой нотки нивелирования пролетарской революционности с революционностью других классов. И это, со своей стороны, подтверждается и его решением проблемы отношения пролетариата к другим классам, в частности, к буржуазии и крестьянству.

⁶⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 90.

⁶⁵ Там же, т. III, стр. 16.

⁶⁶ Там же, т. XIX, стр. 556—557.

⁶⁷ Архив Дома Плеханова. Ед. хр. 32, инв. № 107, 38. Л. 1.

⁶⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. 15, стр. 394—395.

Что Плеханов никак не отводил главную роль в предстоящей русской революции либеральной буржуазии, видно хотя бы из следующих его заявлений: «Мы не можем рассчитывать на прочную поддержку буржуазии. Если немецкая буржуазия, как выражается Энгельс, поздно пришла, то русская буржуазия еще более опоздала...»⁶⁹; «...Между «чистым политиком» и социалистом разница только в том и заключается, что первый говорит пролетарию (когда находит нужным говорить с ним): «Старайся разбить сковывающие тебя цепи рабства, старайся приобрести политические права», а второй прибавляет: «и умей пользоваться ими, умей, опираясь на них, дать отпор буржуазии»⁷⁰.

«У нас привыкли толковать о русской самобытности... Что Россия не Запад, — пишет Плеханов в другом месте. — Да, Россия не Запад! Да, русская жизнь имеет свои неоспоримые особенности! Но в чем заключаются они, эти особенности? Не удаляясь вглубь времен, мы можем сказать, что теперь они сводятся к следующему. *Политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чем в русской буржуазии*. Наша буржуазия требует пока только субсидий, гарантий, покровительственного тарифа и вывозных пошлин; русские рабочие требуют политических прав»⁷¹.

«... В статье «Что не делать?» я действительно советую своим товарищам, — пишет Плеханов, — сделать *поворот*, но только вовсе не в сторону духовного сближения с либеральной буржуазией. Совсем напротив. Тот поворот, который я имею в виду и который я настоятельно рекомендую, — поворот к более широкому практическому кругозору, — впервые сделает из нас, социал-демократов, объединенную и сплоченную политическую партию пролетариата, а только такая партия и может послужить надежным оплотом *против вторжения в нашу рабочую среду буржуазных влияний*»⁷² (курсив наш. — Р. К.).

Наконец, в «Письмах о тактике и бестактности» Плеханов пишет: «Трудность состоит для нас не в том, чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата. В наших рядах сознание этой противоположности приобрело уже, можно сказать, *прочность предрассудка*. Трудность состоит в том, чтобы, сознавая эту противоположность и поступая всегда и вполне сообразно этому своему сознанию, определить те приемы нашей деятельности, которые дали бы нам возможность использовать — в интересах освободительного движения пролетариата, — нынешнее оппозиционное настроение нашей буржуазии»⁷³.

И еще одно. В работе «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» Плеханов пишет: «Мы не только не хотим раствориться в какой-нибудь другой партии, но, напротив, ду-

⁶⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 119.

⁷⁰ Там же, стр. 407.

⁷¹ Там же, стр. 208.

⁷² Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 39.

⁷³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 95.

маем, что русские социал-демократы должны и очень легко могут собрать вокруг своего знамени все те слои русского населения, самое положение которых заставляет их колебаться между буржуазией и пролетариатом»⁷⁴.

* * *

О крестьянстве.

По вопросу отношения Плеханова к крестьянству наряду с тем материалом, которым пользуются его оппоненты, имеются у него и такие категорические заявления: приводя сообщение одного корреспондента о том, что ему «известно, что у одной только социал-демократической партии работа велась за эти месяцы более чем в ста деревнях всех уездов», Плеханов пишет: «Это уже весьма хорошо, а нужно, чтобы было еще гораздо лучше; нужно, чтобы вся крестьянская Россия подверглась такому воздействию нашей партии. *Мы не можем победить, не сделав этого; а сделав это, не можем не победить*»⁷⁵.

В статье «Еще о нашем положении» (1905) Плеханов пишет: «Крестьянство представляет собой резервную армию нашего освободительного движения. *Результаты всего похода определяются движением этой армии* (курсив наш. — Р. К.). И странно, что некоторые наши товарищи до сих пор не выяснили себе, в какое отношение должна встать наша социал-демократия к нынешнему нашему аграрному движению»⁷⁶.

В статье «О социальной демократии в России» Плеханов пишет о крестьянстве: «... Совершенно выбитый из своего старого, веками завещанного крестьянского обихода, он поневоле приходит в движение и поневоле начинает расшатывать здание абсолютизма, прочно покоившееся на его широкой спине в течение целых столетий. Вот почему было бы величайшей нелепостью, невероятнейшим, позорнейшим доктринерством думать, что русские социал-демократы *не должны воздействовать на крестьянство*. Совершенно наоборот. Мы *обязаны* воздействовать на крестьянство, мы *обязаны* употребить все усилия, чтобы внести в его среду революционное сознание, заботясь только о том, чтобы *крестьянство перестало воздействовать на нас*, т. е. чтобы воспоминание об его «историческом сознании» не поддерживало «интеллигентской» склонности к утопиям. В этом смысле мы и говорим, что, воздействуя на крестьянство, интеллигенция должна твердо держаться точки зрения пролетариата»⁷⁷.

В статье же «Наше положение» (1905) он пишет: «Изо всех классов нынешнего общества только революционный пролетариат способен оказать серьезную поддержку крестьянству, вос-

ставшему для того, чтобы своим топором разрубить гордиев узел нынешнего нашего аграрного вопроса. Своевременно примененная железнодорожная стачка могла бы обеспечить удачный исход массового крестьянского восстания. Переход помещичьих земель в руки крестьян вовсе не сделает этих последних социалистами, как на это надеются социалисты-утописты, но он сделает их *решительными революционерами*. А этого достаточно для того, чтобы мы не опасались за судьбу русской революции. *Революционному пролетариату, поддерживаемому революционным крестьянством и имеющему все основания рассчитывать на поддержку международного пролетариата, не страшны будут ни «внутренние» враги, ни внешние* (курсив наш. — Р. К.), ни доморощенные контрреволюционеры, ни германский император...

На крестьянство нам надо теперь же обратить усиленное внимание. Крестьянство составляет чрезвычайно сильный резерв русской революции, и было бы противно всем требованиям военного искусства, если бы мы не позаботились о том, чтобы установить постоянные сообщения между этим резервом и главными силами революционной армии, т. е. пролетариатом»⁷⁸.

Убежден, что этот материал в его соотношении с тем материалом, из которого исходят оппоненты Плеханова в утверждении о том, будто он отрицал революционную роль крестьянства, неопровержимо доказывает и качественное и количественное превосходство первого над вторым, и, значит, уже в этой связи становится сомнительной аутентичность приписываемых (критиками) Плеханову воззрений.

Не менее сомнительна их аутентичность и в том свете, что все эти претензии предъявлялись Плеханову еще при жизни, и он не только не соглашался с ними, а с полным негодованием отводил их от себя. И действительно, кто только ни обвинял Плеханова в вышеозначенных грехах: это и Акимов, и Мартов, и Мартынов, и Рязанов, и Л. Каменев, и С. Н. Кривенко, и Р. Люксембург, и Либер, Тышко, Алексинский, Винтер, Орловский и многие, многие другие. Соответствующие места читатель легко может отыскать в сочинениях Плеханова тт. III, XII, XIII, XV и др. Я же приведу всего лишь один пример (а желающих увеличить их число отошло прямо к таким его произведениям, как «Комедия ошибок», Ортодоксальное буквоедство», «Письма о тактике и бестактность», к его речам на втором съезде РСДРП, на Лондонском съезде и т. д.). В своих «Заметках публициста» Плеханов писал: «Мои противники приписывают мне такое рассуждение: если кризис, переживаемый Россией, имеет буржуазный характер, то надо поддержать буржуазию. — Этим рассуждением они объясняют мой «оппортунизм», — давно уже открытый и проклятый анархистами... Но это рассуждение, — чрезвычайно сильно напоминающее логику покойного

⁷⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 409.

⁷⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 167.

⁷⁶ Там же, стр. 13.

⁷⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. IX, стр. 27.

⁷⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 349.

С. Н. Кривенко, находившего, что я и мои единомышленники должны сделаться кабатчиками, — целиком придумано ими, моими даровитыми противниками. Я рассуждаю совсем иначе. Я совсем не говорю, что рабочий класс должен кого-нибудь поддерживать. Или, чтобы выразиться точнее, я говорю, что он может и должен поддерживать только те классы и партии, деятельность которых так или иначе облегчает его собственное дело. Он не придаток, — я уже двадцать четыре года доказываю это (курсив наш. — Р. К.), а самоцель. И он должен пользоваться другими классами и партиями как средством»⁷⁹.

С такой же категоричностью отводит от себя Плеханов и другие приписываемые ему оппонентами воззрения.

И что же? Несмотря на то, что материал, из которого исходят критики Плеханова в приписываемых ему воззрениях, не идет ни в какое сравнение с тем материалом противоположного толка, который также содержится в произведениях автора, критики его, по какой-то странной логике, первые выдают за убеждения автора, а вторые либо вообще игнорируют, либо считают их результатом временных его отклонений от общих своих убеждений по тем или иным привходящим мотивам.

Еще более странной становится эта логика в свете столь категоричного его заявления о том, что приписываемые ему оппонентами убеждения нисколько не принадлежат ему, не выражают подлинный смысл его рассуждений. Ибо в таком случае складывается действительно странная ситуация: автор нас предупреждает, что его мысли, идеи и убеждения существенно иные, чем те, в которых мы его упрекаем, а мы вместо того, чтобы разобраться в деле по существу, упрямо твердим противоположное. А между тем на таковое мы имели бы право только в том случае, если бы в лице Плеханова имели дело либо с тайным агентом буржуазии в рабочем движении, которому бы в целях конспирации просто пришлось путать свои мысли; либо с человеком вообще неспособным к сколь-нибудь последовательному логическому мышлению; либо с беспринципным, слепым следователем чужих мыслей, в результате чего собственная его мыслительная деятельность вращалась бы в устье принципа, довольно метко схваченного Некрасовым в словах:

«Что ему книжка последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет».

Но кто возьмет на себя смелость утверждать подобное относительно Плеханова!? И тогда просто становится невозможным найти сколь-нибудь вразумительное объяснение тому, что если бы такие идеи и установки действительно составляли именно убеждения автора, то почему бы ему понадобилось уклоняться от них, а не принять самые действенные меры для доказательства их правомерности и законности?! Ведь ни отсутствие

⁷⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 298.

авторитета, ни сила логики мышления, ни нехватка принципиальности не вынуждали его вращаться в колеснице столь явных логических противоречий, которые бы не остались незамеченными даже для посредственного студента. Тем более трудно предположить, чтобы Плеханов не заметил, что такое его поведение для него означало бы самоотрицание как вождя партии, на что он претендовал явно. И вообще человеку можно приписывать все, что угодно, но только не убеждения. И если бы в данном частном случае критики Плеханова утверждали, что у автора его теоретические убеждения независимо от него самого практически приводили к приписываемым ему грехам, то в этом безусловно была бы своя логика.

Но чтобы разобраться в этом, надо составить предельно четкое представление о том, каково же авторское решение вопроса о соотношении материала, из которого исходят критики Плеханова, с тем, который мы привели в качестве противостоящего ему. При таком голом сопоставлении их порождается видимость явного противоречия. Но в действительности нет его, потому что в том и другом случае автор обращал внимание на разные аспекты проблемы. И видимость противоречий в рассуждениях автора создается именно сознательным или бессознательным игнорированием этого обстоятельства, где сознательное игнорирование выражается в осознанно-преднамеренном заострении внимания читателя на том в творчестве Плеханова, что подтверждает концепцию исследователя; бессознательное — когда пренебрегают и контекстом, и идеологической ситуацией формирования мыслей автора. То и другое нередко принимает такую уродливую форму, как мы уже убедились выше, что мыслям автора придается диаметрально противоположное толкование.

Есть основание считать, что в известном смысле эпицентром всех разбираемых здесь проблем служит проблема плехановского понимания места и роли крестьянства в русском освободительном движении, т. к. ее решение уже само по себе снимает многое из этих и других вопросов, и потому остановимся на этом вопросе теперь уже в свете соотношения приведенного выше за и против материала.

Сразу же отметим, что приводимые оппонентами Плеханова места из его сочинений относительно реакционной роли крестьянства действительно трудно отнести к числу наиболее удачных. Тут, возможно, в самом деле есть передержки мысли именно на непоследовательности крестьянской революционности по сравнению с революционностью пролетариата. Но есть основание считать, что они в значительной мере составили результат, во-первых, борьбы с народническим преувеличением революционной роли крестьянства по сформулированному самим Плехановым принципу: когда палка согнута, то для выпрямления ее надо перегнуть в другую сторону.

Есть все основания утверждать, что в этом подчеркивании

реакционной роли крестьянства Плехановым далеко не последнюю роль сыграли и ленинские замечания как на представленный им проект программы, так и вообще относительно места и роли крестьянства в революции, в которых он постоянно предупреждал, что надо «обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только, единственно и исключительно пролетариат, а потом уже заявить, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает»⁸⁰. А между тем, считал Ленин, в представленном Плехановым проекте программы «Некоторым важнейшим пунктам придана ... такая неточная формулировка, которая неизбежно породит ряд самых опасных недоразумений и затруднит нам нашу теоретическую борьбу и пропаганду. Так, например, место «диктатуры пролетариата» заняла «революция», которую подлежит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплуатации», и даже место «классовой борьбы пролетариата» «борьба трудящейся и эксплуатируемой массы». Такая формулировка противоречит основному принципу Интернационала: «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса». Помимо пролетариата, другая часть «трудящейся и эксплуатируемой массы» (т. е. главным образом мелкие производители) *лишь отчасти* революционна в своей борьбе с буржуазией. Именно она революционна лишь тогда, когда она, «имея в виду переход в пролетариат», «становится на точку зрения пролетариата» (Коммунистический манифест). *Реакционность же мелких производителей совершенно не оттенена в проекте* (курсив наш. — Р. К.), так что в *общем и целом* отношение пролетариата к трудящейся и эксплуатируемой массе изображено неправильно»⁸¹.

Разумеется, такая критика не могла пройти бесследно для Плеханова, и если впоследствии у Плеханова получилась некоторая передержка мысли на реакционности крестьянства, то это свидетельствует о том, что их мысли, хотя бы в исходной своей установке, должно быть, совпали. А если это так, то, с учетом отмеченных тут двух обстоятельств, общая концепция плехановского решения роли крестьянства в революции выглядит так.

В работе «Мужики бунтуют», в которой, по собственному признанию самого Плеханова, изложены более определенно и полно его взгляды на крестьянский вопрос (и следовательно, из которой мы и должны исходить в первую очередь), он пишет: «... Революция, которая сметет с лица русской земли наше старое, более или менее видоизмененное ходом времени, государственное крепостничество, нужна крестьянину больше, чем кому-нибудь другому: она впервые разобьет сковывающие его цепи рабства и сделает из него «человека и гражданина». И

не удивительно, что крестьянин, мало-помалу пробужденный от своего векового сна быстрым развитием капитализма, начинает питать сочувствие к этой приближающейся революции. Его здравый смысл довольно явственно подсказывает ему теперь, что только от нее может он ждать улучшения своей участи. Но он не только сочувствует ей. Начинающиеся крестьянские волнения свидетельствуют о том, что он сам готовится *выступить одним из важнейших ее факторов* (курсив наш. — Р. К.). Какие же требования напишет он на своем революционном знамени?

Чтобы ответить на этот вопрос, не впадая в старые народнические иллюзии, надо помнить, что крестьянство не *класс*, а *сословие*»⁸². Продолжая эту мысль в статье «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», Плеханов говорит, что «в этом сословии есть теперь и богачи... и бедняки..., и эксплуататоры, и их жертвы, словом, люди, принадлежащие к различным общественным *классам*»⁸³. Отсюда и разное их отношение к революции, где Плеханов подчеркивает: «Разумеется, сельская буржуазия не станет сочувствовать социал-демократам, но сельский пролетариат всегда был и будет естественным союзником городского. Точно также и бедные крестьяне (а таких большинство) непременно пойдут за социал-демократами, если только те не пожелают оттолкнуть их, что, конечно, невозможно»⁸⁴.

Работы Плеханова свидетельствуют об убежденности автора в том, что в решении крестьянского вопроса единственным ориентиром может служить его двойственное отношение — отношение собственника и труженика, которые и определяют его двойственную психологию — психологию революционера и консерватора. Более определенно эти мысли можно было бы сформулировать таким образом: по Плеханову, в решении крестьянского вопроса следует исходить из следующей триединой задачи: 1) поведение крестьянина определяется тем, что он является тружеником и собственником; 2) поскольку крестьянство не класс, а сословие, то оно и тружеником и собственником является по-разному; 3) наконец, поскольку сами революции являются разными, то поэтому разное будет к ним и отношение со стороны крестьянства. Так как все эти факторы действуют не разрозненно друг от друга, а в строгом диалектически противоречивом единстве, то при характеристике отношения крестьянства к революции необходимо иметь строго определенное представление как о самой сущности революции, так и о том, о каких социальных группах крестьянства идет речь, какие из них имеются в виду. И поскольку есть революции буржуазно-демократическая и социалистическая, каждая из которых имеет свои особые задачи и цели, а России предстоит совершить и ту и другую, то отсюда и разное к ним отношение со стороны крестьянства. В качестве

⁸² Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 242—243.

⁸³ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 410.

⁸⁴ Там же.

⁸⁰ Ленинский сборник. Т. II, стр. 12.

⁸¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 237.

частного случая, подтверждающего эту мысль, можно сослаться на заявление Плеханова о том, что «переход помещичьих земель в руки крестьян вовсе не делает этих последних *социалистами...*, но он делает их решительными революционерами»⁸⁵.

В результате, по Плеханову, крестьянин может выступать революционером в свершении буржуазно-демократических преобразований со своим крестьянским сознанием и общественно-степени, в какой приближается к точке зрения пролетариата. А здесь уже срабатывает его двойственное положение труженика и собственника с соответствующей двойственной психологией, первая из которых работает на социализм, вторая — против социализма.

Но тогда в чем же ошибка Плеханова? В чем его расхождение с Лениным по анализируемым в этом разделе вопросам?

Ответ на этот вопрос возвращает нас обратно к программе второго съезда.

* * *

Итак, состоялось обсуждение проекта программы на съезде. В ходе съезда по всем основным пунктам программы Ленин и Плеханов выступали в блоке. А поскольку и Плеханов полностью согласился с внесенными в программу изменениями, дополнениями и поправками, и Ленин не только не воспользовался предоставленным ему правом публичного выступления против принятой съездом программы, но даже настоял на внесении ее теоретической части во вторую программу партии уже после смерти Плеханова, то есть все основания утверждать, что предшествующее съезду обсуждение программы при всей его остроте все же носило скорее редакционный характер, нежели характер «принципиальных расхождений» по существу понимания вопросов. Это подтверждает и обстоятельный анализ самого хода обсуждения проекта, где, собственно, есть и прямое указание самого В. И. Ленина, в частности, на то, что «русские социал-демократы могут и должны ... положить в основу программы русской социал-демократической рабочей партии именно проект группы «Освобождение труда», — проект, *нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях*»⁸⁶ (курсив наш. — Р. К.). Это же подтверждается тем, что многие свои замечания В. И. Ленин *давал в нескольких вариантах* (см. В. И. Ленин, ПСС, т. 6, с. 193—256, 411—448).

О том же говорит в известной мере и то обстоятельство, что Ленин и Плеханов нередко взаимно обвиняли друг друга в одних и тех же упущениях. Например, всем известно, что Ленин говорил о плехановском проекте, что он «дает не программу

пролетариата *борющегося* против весьма реальных проявлений весьма оглашенного (т. е. русского. — Р. К.) капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще. Ленин считал его непригодным для партии *русского* пролетариата потому и постольку, поскольку в нем «эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и замаскированы благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще»⁸⁷.

В это же время Л. Б. Каменевым во «Введении к аграрной программе русской социал-демократии» зафиксировано также, что «Первоначальный набросок проекта, составленный Лениным, подвергался суровой критике со стороны Г. В. Плеханова *ввиду того, что давал такую схему развития капиталистического общества и его противоречий, ведущих к социалистической революции, которая годилась для любой страны и не оттеняла особенностей исторического развития России* (курсив наш. — Р. К.), еще не закончившейся в ней борьбы буржуазного способа производства с сословно-крепостническими пережитками»⁸⁸.

В сказанном, разумеется, не следует усматривать какую-то попытку проведения знака равенства (а тем более полного отождествления) между занимаемыми Лениным и Плехановым позициями. Речь идет всего лишь о недопустимом одностороннем гипертрофированном их противопоставлении, равно как и о не менее недопустимом их отождествлении. Поэтому задача состоит в аутентичном определении и объяснении и пунктов совпадения их воззрений, и пунктов их расхождений. А здесь следует заострить внимание на том, что хотя в обсуждении проекта программы партии на съезде Ленин и Плеханов шли вместе и принятая съездом программа была одобрена ими обоими, она была воспринята каждым из них по-своему. Особенно это касается вопроса соотношения частей программы: максимума и минимума. Здесь смело можно утверждать, что поскольку в этом пункте речь идет о соотношении, если можно так выразиться, *первоочередных* и *второочередных* задач пролетарской освободительной борьбы в России, то он и послужил водоразделом как между большевиками и меньшевиками вообще, так и между Лениным и Плехановым, в частности. Таким водоразделом проблема соотношения программ-минимум и программ-максимум служила следующим образом: эта программа, как программа русской социал-демократии, как программа освобождения страны от всех видов угнетения и перестройки общественной жизни на принципах социалистического общежития, возникла еще тогда, когда в стране господствующей формой общественных отношений были не капиталистические, а докапиталистические отношения. А поскольку к решению задач со-

⁸⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 349.

⁸⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 217.

⁸⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 236.

⁸⁸ Ленинский сборник. Т. III, стр. 77—78. См. там же, стр. 55—56 и т. д.

циалистической революции и диктатуры пролетариата невозможно приступить без предварительной ликвидации докапиталистических общественных порядков, т. е. без буржуазно-демократической революции, то соответственно этому и программа русской социал-демократии была разделена на две части — на программу-минимум и программу-максимум. Программа-минимум намечала такие ближайшие задачи партии, как свержение царизма, решение задач буржуазно-демократической революции и установление демократической республики, уничтожение остатков крепостничества в деревне и связанные с ними другие вопросы; а программа-максимум намечала свершение социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. Плеханов признавал определенную связь между этими частями программ, подчеркивая в то же время, что «непрерывность процесса» не должна мешать «различать в нем различные моменты»⁸⁹. И как раз этим чрезмерным подчеркиванием необходимости «различения моментов», поскольку под этим «различением моментов» Плеханов имел в виду более или менее длительный разрыв между осуществлением программы-минимум и программы-максимум, и выразились основные расхождения между Лениным и Плехановым.

И действительно, мы уже отмечали, что послесъездовский период в развитии русской истории характеризуется наступлением революционного кризиса, связанного с острой необходимостью проведения буржуазных преобразований и ликвидации докапиталистических общественных отношений. Кто же и как должен будет совершать эти преобразования? Кому суждено вершить революционную перестройку общественных отношений в России, будут ли эти революционные преобразования как по задачам, так и по средствам достижения цели, по движущим силам революции и по приемам борьбы аналогичны и тождественны западноевропейским буржуазным революциям, или Россия, в силу ряда отличительных особенностей, будет вынуждена внести в эти преобразования нечто новое?

Поскольку отличительные особенности нашей революции определялись новой стадией развития капитализма, особенностями именно его империалистической стадии, то понятно, что вполне исчерпывающие ответы на вышеставленные вопросы мог дать только тот, кто проник в тайны этих особенностей, кто понял всю специфику вновь выявленных закономерностей, кому было по плечу разгадать тайну закономерностей общественного развития в эпоху империализма, и, значит, поднять на этой основе и *самый марксизм* на новую ступень. И надо подчеркнуть, что в решении всех этих вопросов Плеханов оказался не на высоте, что он, хотя и чувствовал особенность новых закономерностей общественного развития, не смог понять и тем более раскрыть и объяснить их во всей их диалектической слож-

ности, многогранности и противоречивости. Заслуга раскрытия и объяснения всей сложности этих закономерностей полностью принадлежит В. И. Ленину. Плеханов же ограничился некоторыми замечаниями общего порядка, которые сводятся главным образом к указанию несколько иной, по сравнению с Западом, расстановки сил в нашей революции. Но это у Плеханова есть и об этом не следует молчать.

Плеханов полностью разделял идеи Каутского о том, что центр революционного движения переместился в Россию и что именно «в России ныне судьба мирового движения», что «эта революция в существе своем может и должна быть лишь буржуазной, а между тем она совершается в эпоху, когда во всей остальной Европе возможна лишь революция социалистическая», что русская буржуазная революция совершается «в эпоху, когда буржуазные идеалы пришли к полному банкротству, когда буржуазная демократия утратила веру в самое себя, когда лишь на почве социализма могут расцвести идеалы, развиваться энергия и энтузиазм»⁹⁰, и потому хорошо бы сделали русские социал-демократы, если бы они усвоили себе ту мысль, что они стоят перед такими совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни один старый шаблон⁹¹.

Отступление же от «старого шаблона» Плеханов видел прежде всего в новой расстановке общественных сил, которую он представлял себе таким образом: приближение революционной бури в России обуславливается обострением недовольства народа, которое вызывается существующими здесь деспотическими порядками. Поэтому в ее совершении заинтересованы все те классы и слои нашего общества, которые в той или иной мере испытывают давление и притеснение как экономическое, так и политическое со стороны русского абсолютизма. При этом, поскольку на очереди стоит свержение именно абсолютизма, то революционность принимающих в этой борьбе участие общественных сил будет определяться, с одной стороны, степенью испытываемого ими от абсолютизма ограничения и притеснения, и тем, с другой стороны, что им может сулить их борьба с царизмом в будущем. Отсюда, поскольку известно, что основные невзгоды от царизма испытывает прежде всего и главным образом трудовой народ, а не буржуазия, которой гораздо легче приспособиться к создаваемому деспотизмом положению⁹², то естественно, что и в окончательном уничтожении русского абсолютизма более чем остальные классы и слои страны заинтересованы именно пролетарские и крестьянские массы. А так как, по ряду причин (на некоторые из которых Плеханов указывал еще в период своего народничества) из этих двух классов больше «революционизируется» именно первый, а не второй,

⁹⁰ См.: Письмо Каутского съезду. IV (объединительный) съезд РСДРП, протоколы. М., 1959, стр. 580.

⁹¹ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. 15, стр. 295—299 и т. д.

⁹² Там же, стр. 275.

⁸⁹ См.: Г. В. Плеханов. Письмо к товарищам. «ГОТ», сб. № 5, стр. 233.

то ему и надлежит сыграть решающую роль в предстоящей русской революции. Плеханов прямо заявлял, что канули в историческое прошлое те времена, когда считали (и не без основания), что раз революция буржуазная, то и главную ее движущую силу составит буржуазия и руководство принадлежит ей; что ныне создались такие условия, сложились такие обстоятельства, когда, несмотря на буржуазный характер нашей революции, главной ее движущей силой будет пролетариат, а не буржуазия, и руководство будет принадлежать ему. Вспомним еще раз его заключительную речь на Лондонском съезде РСДРП, в которой он столь категорично заявлял, что «прошли те времена, когда пролетариат служил орудием буржуазии, миновали без возврата. Теперь пролетариат является демиургом нашей революционной действительности. Теперь он — главная сила. И это дает ему особые права, это налагает на него особые обязанности»⁹³.

Значит, выступление пролетариата в качестве творца революционной действительности «дает ему особые права» и в то же время налагает на него и особые обязанности, под которыми Плеханов имел в виду не одно выступление пролетариата в качестве «главной исполнительной силы революции», как это утверждают В. А. Фомина, С. Тютюкин и др., а то, что именно пролетариат, а не какой-либо другой класс в состоянии выступить гегемоном в революции. Мы уже отмечали, что Плеханов еще в «Наших разногласиях» писал, что в России есть и другие слои населения, которые могут наносить отдельные удары русскому царизму, «но помимо рабочих нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить и добить раненое... политическое чудовище». И этому своему заявлению Плеханов остался верен и впоследствии. Вспомним опять категорическое его заявление в 1906 году о том, что «чем дольше мы будем оставаться в заговорщицком подполье, тем дальше будет уходить от нас возможность добиться гегемонии в нынешней нашей освободительной борьбе. А не добившись такой гегемонии, мы принуждены будем играть второстепенную, подчиненную роль. А играя такую роль, мы поневоле и, вероятно, сами того не замечая, будем подпадать под влияние оппозиционной буржуазии... Избежать этого можно только одним путем, — путем открытого политического действия во главе широкой массы и вместе с широкой массой...»⁹⁴.

Думается, все это служит достаточным основанием не соглашаться с утверждением критиков Плеханова о том, что «он не выдвинул вопроса о роли пролетариата как гегемона революции, не показал отличия его революционности от революционности остальных классов» и т. д.

Выше, думается, мы смогли показать несостоятельность утверждения и относительно того, будто он «не понял значения

⁹³ Г. В. Плеханов. Соч., т. 15, стр. 394.

⁹⁴ Там же, стр. 133.

русского крестьянства в освободительном движении», «сбрасывал его со счетов революции», «отрицал роль крестьянства как союзника пролетариата».

Плеханов неплохо себе представлял тот факт, что «сил одного пролетариата недостаточно для решительной победы над реакцией», что «ему нужны союзники»⁹⁵, и он должен позаботиться об этих союзниках, найти их и повести за собой на штурм царизма. Он совершенно справедливо указывал на то обстоятельство, что пролетариат, став демиургом революционной действительности, должен направлять все те общественные силы страны, которые так или иначе заинтересованы в борьбе с царизмом, таким образом, чтобы они сделали победоносным его собственное движение.

«Мы не только не имеем права игнорировать существующие в его среде (т. е. в среде «общества») оппозиционные течения, — пишет Плеханов, — но обязаны старательно и постоянно представлять на вид сторонникам этих течений те наши политические стремления, которые делают из нас самых решительных и самых непримиримых врагов абсолютизма»⁹⁶.

Ставя победу революции в прямую зависимость от степени реализации этих факторов пролетариатом, Плеханов пишет в другом месте: «Нам нужно поставить свои силы в такую обстановку, при которой они могли бы нанести противнику наибольший урон. А чтобы мы могли достигнуть этой цели, нам следует помнить, что кроме нашей партии, — партии пролетариата, — в России существуют еще и другие партии, готовые бороться за политическую свободу. Эти партии не идут так далеко вперед, как партия пролетариата, но они все-таки идут вперед, и поскольку они идут вперед, постольку мы должны их поддерживать в своих собственных интересах: поддерживая их, мы увеличиваем действие наших собственных сил. Это надо помнить всегда и везде»⁹⁷.

Отношение же пролетариата к этим оппозиционным силам, степень их использования в качестве союзников в революционной борьбе будет определяться степенью их оппозиционности, степенью их заинтересованности в революционных преобразованиях страны. И в этом смысле на первый план Плеханов выставляет крестьянство, которое, при всей двойственности его движения, он все же считал ближайшим и надежнейшим союзником пролетариата, поскольку, благодаря наличию у него и социалистических тенденций и склонностей, оно является после пролетариата наиболее революционно настроенным классом. Особенно этот союз Плеханов считал надежным в нашей первой революции потому и постольку, поскольку она ставила своей целью ликвидацию помещичьей собственности.

«Если верить газетным известиям, то представитель социал-

⁹⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. 15, стр. 379.

⁹⁶ Там же, стр. 121.

⁹⁷ Там же, стр. 332.

демократической партии на первом всероссийском крестьянском съезде, указывая на то, что еще не пришло время социалистической революции, «объявил невозможной такую социалистическую меру, как отобрание земли», — писал возмущенно Плеханов. «Но в том-то и дело, — пояснял он, — что отобрание земли, которого добивается современное наше крестьянство, вовсе не есть социалистическая мера. Такое «отобрание земли» дало бы новый толчок капиталистическому развитию России»⁹⁸.

Плеханов и мысли не допускал о возможности победы революции без единства действий пролетариата и крестьянства, без активной поддержки рабочих крестьянами, без дополнения пролетарского революционного движения крестьянским движением. Напомним еще раз его настойчивые уверения в том, что «крестьянство представляет собой резервную армию нашего освободительного движения» и что «результаты всего похода определяются движением этой армии». А это значит, что в сущности вопрос заключался не в том, отрицать или не отрицать революционную роль крестьянства и признавать или не признавать его союз с пролетариатом — в этом не только между большевиками и Плехановым не было расхождений, но их не было и между большевиками и меньшевиками вообще, — а в том, *в какой мере предлагаемые Плехановым мероприятия по активизации революционного духа крестьянства способствовали этому.*

Думается, что Ленин как раз это и подчеркивал, когда в своем отчете о IV съезде партии писал: «В обеих (речь идет о представленных съезду партии большевиками и меньшевиками резолюциях. — Р. К.)... признается, что революция идет к новому подъему, что наша задача — стремиться довести ее до конца, и, наконец, что выполнить эту задачу в состоянии только пролетариат вместе с революционным крестьянством... Но посмотрите, которая же из обеих резолюций последовательнее проводит эту основную точку зрения? Которая правильнее мотивирует ее и вернее указывает выводы из нее»⁹⁹ (курсив наш. — Р. К.).

Недостатки предлагаемого Плехановым проекта «муниципализации», по сравнению с ленинским проектом «национализации», В. И. Ленин видел главным образом в том, что он неревolutionен, и неревolutionен, во-первых, потому, что в нем вместо конфискации, вместо отчуждения без выкупа говорится об отчуждении вообще; во-вторых, и это самое главное, в нем нет призыва к *революционному способу* осуществления аграрного переворота, а следовательно он и не революционизирует крестьян. В то же время, в противоположность нашим критикам Плеханова, Ленин отмечал и тот факт, что в 1905—1907 гг. «до практических действий в духе муниципализации» было не так близко, чтобы они — добавим от себя — служили причиной

⁹⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. 15, стр. 13.

⁹⁹ IV (объединительный) съезд РСДРП, протоколы. М., 1959, стр. X.

и поводом сбрасывания крестьянства со счетов революции, «а в поддержках революционных выступлений крестьянства, — продолжает Ленин, — в критике мелкобуржуазных утопий все с. д. согласны между собой»¹⁰⁰.

Существенно важно понять и то обстоятельство, что Плеханов не разделял Ленинскую программу национализации земли единственно из опасения того, как бы такой лозунг не породил «в крестьянских массах иллюзию о завоевании себе прочного хозяйственного положения в капиталистическом обществе»¹⁰¹.

Следовательно, споры между Плехановым и большевиками по вопросу о крестьянстве шли не относительно революционности или неревolutionности его и не относительно того, поддерживать или не поддерживать это движение, а по вопросу о том, какие надо выдвигать лозунги, какой придерживаться тактики, чтобы крестьянство пошло за пролетариатом, сделалось бы его незаменимым союзником.

* * *

Для общих итоговых заключений к разделу следует несколько дополнить и наши представления относительно плехановского понимания роли буржуазии в революции и ее взаимоотношений с пролетариатом. А в этой связи отметим, что в проблеме расстановки классовых сил в революции пунктом, который вызвал наиболее острые споры и дискуссии, обнаружил действительно значительные расхождения между Плехановым и большевиками, был вопрос об отношении к буржуазии, о ее роли в революции. По этому вопросу Плехановым в самом деле выражено немало таких мыслей и соображений, которые, возможно, принесли некоторый урон росту революционного движения в стране. Но утверждать, что он главную роль в революции отводил именно либеральной буржуазии, значит, по меньшей мере, грешить перед исторической правдой. Отношение Плеханова к буржуазии, по его собственному справедливому признанию, определялось тем, в какой мере она могла быть революционно настроенной в отношении существующего общественного строя, в какой мере ее революционность могла способствовать победе новых общественных отношений. Это — с одной стороны; и с другой — тем, какую задачу ставила перед собой революция и какое место суждено было занять буржуазии — в результате благоприятного исхода революции — во вновь созданном укладе общественной жизни.

По вопросу революционности буржуазии Плеханов исходил — как мы уже отмечали не раз — из того, что нынешний революционный кризис вызван необходимостью ликвидации жиждившегося на докапиталистических общественных отноше-

¹⁰⁰ IV (объединительный) съезд РСДРП, протоколы. М., 1959, стр. XIV.

¹⁰¹ Ленинский сборник, т. III, стр. 79.

ниях русского абсолютизма. А так как революция эта опять-таки имеет целью не социалистические преобразования, а торжество экономического и политического господства буржуазии, то должно быть естественно, что буржуазия заинтересована в этих преобразованиях, а потому и настроена оппозиционно. Но вместе с тем Плеханов не забывал и то обстоятельство, что русской буржуазии по ряду причин больше, чем буржуазии какой-либо другой страны, приходится оглядываться назад. И в этом плане Плеханов совершенно справедливо указывал на тот факт, что если Маркс и Энгельс уже в сороковых годах прошлого столетия смотрели на германскую буржуазию как на неревolutionный класс именно на том основании, что она, благодаря сохранению политической гнили германского абсолютизма с его придатком полуфеодальных и сословных отношений, уже подала в антагонизм с пролетариатом прежде, чем она организовалась политически как класс, то это положение в еще большей мере применимо, и справедливо в отношении русской буржуазии, которой приходилось организовываться при аналогичных, а еще более неблагоприятных для нее обстоятельствах. В определении такого реакционного характера русской буржуазии, сравнению с буржуазией западных стран, Плеханов важное значение придавал выдвинутому им еще в «Социализме и политической борьбе» положению о том, что русская буржуазия к своей политической организации идет при таких исторических обстоятельствах, когда в западных странах с буржуазными революциями уже покончено и на очереди дня в этом плане у них стоят революции социалистические, а в России это социалистическое движение началось еще тогда, когда капитализм здесь был всего лишь в зародыше, и потому наша буржуазия, чувствуя и видя все это, будет искать спасение и помощь от этих сил и факторов у сторонников реакции. Поскольку буржуазии, отмечал Плеханов, легче сжиться именно с абсолютизмом, нежели с пролетариатом, то в этом аспекте нельзя не согласиться с теми, кто считает, что русская буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения в России¹⁰².

«...Буржуазия несравненно легче уживается с пережитками старого порядка, — пишет Плеханов, — нежели пролетариат. Пример — ... наша русская крупная промышленная и торговая буржуазия, совсем не обнаруживающая желаний вступить в решительную борьбу с нашим старым порядком. Она сама является представительницей нового, она своею деятельностью разрушает экономическую основу старого порядка, но она умеет торговаться и не без основания рассчитывает, что ей выгоднее без большого шума поладить («грех пополам») с защитниками старины, нежели входить в ту или иную политическую сделку с

¹⁰² См. Г. В. Плеханов. Соч., т. 14, стр. 205, 206; т. 15, стр. 284, 285, 297, 392, 393.

таким рьяным и беспокойным новатором, каким уже успел заявить себя пролетариат»¹⁰³.

Но относится ли все сказанное здесь о буржуазии к ней в целом, как к определенной социальной категории, или Плеханов все же говорит только о той, хотя и могущественной и влиятельной, но все же части буржуазии, которую именуют крупной? Плеханов требовал дифференцированного подхода и к буржуазии, поскольку в ее рядах наряду с крупной промышленной и торговой буржуазией числятся и средняя и в особенности мелкая буржуазия, состав которых хотя и крайне разнороден, но их объединяет то, что им гораздо труднее ужиться с пережитками старого порядка, и это положение толкает их на более решительную борьбу за торжество новых порядков. Ну, а «как далеко они пойдут в этом направлении, — объясняет Плеханов, — это зависит от данных историей условий»¹⁰⁴. В России же, уже отмеченным Плехановым причинам, эти исторические условия таковы, что русская буржуазия, хотя и половинчата и непоследовательна, но все-таки в какой-то мере оппозиционно настроена к абсолютизму и это надо использовать пролетариату. Иначе говоря, наша буржуазия недовольна русским абсолютизмом в той мере, в какой он, защищая старые феодально-крепостнические отношения и порядки, задерживает торжество экономического и политического господства. А поскольку средней и мелкой буржуазии труднее, чем крупной, «ужиться с пережитками старого порядка», то это вынуждает ее более решительно бороться за торжество нового порядка, хотя понятно, что интересы мелкой и средней буржуазии не могут совпасть с интересами пролетариата, и поэтому, страшась его, она не может не быть настроена менее критически, по сравнению с пролетариатом, по отношению к абсолютизму.

«Далекое от всяких стремлений к коренному переустройству общества в интересах революционного пролетариата, — пишет Плеханов, — мелкие буржуа хотели бы лишь так перестроить существующее общество, чтобы им жилось в нем сносно и удобно»¹⁰⁵.

Средняя и мелкая буржуазия, по заверениям Плеханова, подобно крупной, не прочь воспользоваться революционной энергией пролетариата, но как только они получают некоторые уступки от сторонников абсолютизма, они тут же пойдут по следам крупной буржуазии, готовясь так же, как и она, вступить в союз со сторонниками старых порядков против пролетариата. И, таким образом, в буржуазно-демократической революции «демократическая мелкая буржуазия выступит в той же роли по отношению к народу, какую играли либералы в 1848 году» в Германии. А все это свидетельствует о половинчатости буржуазии

¹⁰³ Г. В. Плеханов. Соч., т. 15, стр. 284.

¹⁰⁴ Там же, стр. 285.

¹⁰⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. 13, стр. 205.

в ее борьбе против старых порядков. И в этом отношении нет никакой разницы, по Плеханову, между немецкой и русской буржуазией. Разница между ними может быть только в том, как далеко каждая из них может пойти в борьбе против старых порядков, что всегда будет зависеть от тех конкретных исторических условий, в которых им придется действовать. Поскольку для русской буржуазии эти условия особенно тягостны, то на нее, пишет Плеханов, мы смотрим и должны смотреть так же, как смотрели Маркс и Энгельс в свое время на немецкую. Видя ее половинчатость, они все-таки считали необходимым поддерживать ее в ее, хотя и половинчатой, борьбе со старым порядком¹⁰⁶. При этом Плеханов полагал, что непоследовательность буржуазии становится всего яснее пролетариату не тогда, когда он поворачивается к ней спиной, а тогда, когда он идет рядом с нею в ее борьбе со старым порядком. Ибо, идя рядом с нею, он увидит ее в действии и благодаря этому лучше поймет недостаточность ее действий¹⁰⁷.

«Сознание противоположности их (речь идет о рабочих. — Р. К.) интересов с интересами буржуазии, — писал Плеханов, — развивается в умах рабочих путем опыта. Опыт экономической борьбы освещает перед ними экономическую сторону дела, опыт политической борьбы выясняет им то же дело с его политической стороны»¹⁰⁸. И «трудность состоит для нас не в том, — пишет Плеханов в другом месте, — чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата», а в том, чтобы, сознавая эту противоположность и поступая всегда и вполне сообразно этому своему сознанию, определить те приемы нашей деятельности, которые дали бы нам возможность использовать — в интересах освободительного движения пролетариата — нынешнее оппозиционное настроение нашей буржуазии»¹⁰⁹. Иначе говоря, Плеханов считает так: и буржуазия, и пролетариат, каждый по-своему заинтересован в ликвидации русского абсолютизма как оплота докапиталистических общественных отношений. Интересы эти «не тождественны между собою» — и потому каждый из них должен идти своей дорогой к цели, что Плеханов и сформулировал в установке: «итти врозь». Но цели эти в своей разрушительной части в известной мере не могут не совпадать и это создает предпосылки тому, чтобы они могли «вместе бить». В итоге, тактическая установка Плеханова относительно буржуазии и пролетариата в их отношении к русскому абсолютизму гласит: «Итти врозь, бить вместе». «Нам нечего бояться сближения с оппозиционными слоями нашего общества, — пишет Плеханов, — надо позаботиться только о том, чтобы они не подчиняли нас своему влиянию и руководству ...

¹⁰⁶ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. 15, стр. 392—394.

¹⁰⁷ Там же, стр. 143.

¹⁰⁸ Там же, стр. 99.

¹⁰⁹ Там же, стр. 95.

Можно *итти врозь*, принимая в то же время все необходимые меры к тому, чтобы вместе бить»¹¹⁰.

Формула эта в общетеоретическом плане лично мне представляется абсолютно правильной, законной и правомерной. И из сказанного тогда очевидно, что в новых исторических условиях, а именно в условиях русской действительности, Плеханов вовсе не считал главной движущей силой в буржуазно-демократической революции буржуазию, и тем более не считал допустимым, чтобы руководство ею перешло в руки буржуазии.

Ошибка Плеханова в данном случае, по нашему убеждению, заключалась не в том, что он не понимал противоположности интересов буржуазии и пролетариата в этой революции, или не понимал, что гегемоном революции не может быть буржуазия, что роль гегемона принадлежит пролетариату. И не в том, что он не понимал, что степень реакционности буржуазии, степень ее сближения со сторонниками старых порядков определяются вынужденной необходимостью для нее оглядываться назад и видеть там революционность пролетариата. Нет! Ошибка его заключалась в том, что, сознавая, что поведение буржуазии в революции определяется не только тем, что она видит впереди, в лице русского абсолютизма, но и тем, что она видит и чувствует позади себя, в лице пролетариата, Плеханов — вследствие своей долгой оторванности от родины — не представлял себе, что противоречия *между буржуазией и пролетариатом дошли здесь до таких пределов, когда буржуазия под страхом революционного молота русского пролетариата вынуждена была идти на все возможные уступки русскому абсолютизму во имя борьбы против пролетариата*, и поэтому она навсегда распрощалась с идеями революционного воздействия на абсолютизм и вместо этого встала на путь пропаганды доверия к нему, на путь внушения конституционных иллюзий, что, безусловно, было направлено на снижение революционного духа народных сил, на ослабление их революционного энтузиазма.

Весь этот материал, таким образом, ясно свидетельствует, что нет существенной разницы в сути социально-политических и тактических воззрений Плеханова в марксистский и меньшевистский периоды его деятельности, кроме особого заострения внимания именно на разрыве между буржуазно-демократической и социалистической революциями.

Но если это так, то в чем же ошибка Плеханова именно как меньшевика? Нам думается, что в данном случае она заключается не в том, что он внес какие-то существенные изменения в эти свои воззрения, по сравнению с марксистским периодом его развития, а скорее именно в том, что таковые не имели у него места. В данном случае мы имеем дело как раз с таким явлением, когда то, что могло быть верным и допустимым в одних исторических условиях, в других исторических условиях

¹¹⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. 15, стр. 121—122.

оказалось недопустимым. В новых условиях анализируемые тут вопросы требовали совершенно иного подхода, который можно было выработать только с позиций дальнейшего развития самого марксизма. А Плеханов все еще продолжал подходить к новой действительности с позиций пройденного этапа развития марксизма. Поэтому его позиция в этих новых конкретно-исторических условиях в основном и главном и оказалась ложной. Анализ существа его позиции и хода его рассуждений привел нас к убеждению в том, что ошибочность позиции Плеханова *в данном случае*¹¹¹ восходит к методологически недопустимому прямому перенесению *общего* на *частное*, в особенности тогда, когда предметом исследования становится именно *это частное и специфическое*. Анализируемым плехановским рассуждениям как раз несколько недостает учета именно этого обстоятельства.

Таковы в основном социально-политические воззрения Плеханова главным образом на сущность и движущие силы первой русской революции, равно как и на русское и международное освободительное движение пролетариата в целом.

Какие же вытекают отсюда общие выводы и заключения?

Во-первых, такие, что, в социально-политических воззрениях Плеханова в меньшевистский период его исторического формирования по сравнению с предыдущей, марксистской стадией их развития не произошло каких-либо принципиально несовместимых изменений, за исключением акцентирования внимания на недопустимости, именно как нецелесообразности: а) прямого перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую; б) установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства при любом исходе буржуазно-демократической революции и в) недостаточной «зрелости политического сознания народа». Причем, на этом он настаивал не из тех соображений, что не верил в возможность завоевания власти пролетариатом, нет, напротив, такой исход борьбы он считал вполне возможным, но он считал его преждевременным шагом, полагая что тем самым пошел бы не в пользу народу, а во вред ему.

«... Революционная демократия достаточно сильна для того, чтобы захватить политическую власть в свои руки. Это неоспоримо»¹¹², — писал Плеханов после Февральской революции. Но «неоспоримо и то, что она недостаточно сильна, чтобы взвалить на свои плечи всю тяжесть борьбы с переживаемыми страной экономическими и всякими другими затруднениями»¹¹³.

«Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, — пишет

Плеханов в другом месте, — не колеблясь ответит на вопрос о том, готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру, решительным нет... Наш рабочий класс еще далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать же ему такую власть, значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время не меньшим несчастьем и для всей России; ибо если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел бы совершить социалистическую революцию, то сама экономика нашей страны осудила бы такие попытки на жесточайшее поражение»¹¹⁴.

Соответствие этих рассуждений марксизму Плеханов обосновывал ссылками на установку Маркса о том, что «ни одна общественная формация не исчезает раньше, чем разовьются все производительные силы, которыми она располагает. И новые, высшие производственные отношения никогда не занимают место прежних раньше, чем выработаются в недрах старого общества материальные условия их существования»; и на заявление Энгельса о том, что «для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захватить политическую власть в такое время, когда он к этому еще не готов».

Свое несогласие с необходимостью установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства при успешном свершении общедемократической революции Плеханов мотивировал таким образом. Он полагал, что поскольку при таком исходе революции по объективному ходу общественного развития должны будут установлены именно буржуазные, а не социалистические общественные отношения, то представители нового правительства даже против своей воли будут вынуждены выдавать интересы буржуазии за свои интересы, в лучшем случае довольствуясь «некоторыми малозначительными изменениями» и тем самым, следовательно, социал-демократическая партия из партии революционной превратится в партию социальных реформ¹¹⁵.

В. И. Ленину, безусловно, были известны как все эти положения классиков марксизма, так и мотивировка Плеханова, и тем не менее он, в отличие от последнего, настойчиво подчеркивал, что «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы не остановимся на полпути»¹¹⁶.

Историческое развитие России, как известно, пошло именно по ленинскому, а не по плехановскому варианту перехода к социализму, и так как Ленин к тому же еще и является одним

¹¹⁴ Г. В. Плеханов. Год на Родине. Т. I, стр. 129; т. 2, стр. 41, 244, 245—247.

¹¹⁵ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. 13, стр. 207—208, 212; т. 15, стр. 238 и др.

¹¹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 11, стр. 222.

¹¹¹ Мы это подчеркиваем потому, что полагаем, что оно у него в данном случае произошло главным образом по причине плохого знания им положения дел в России.

¹¹² Г. В. Плеханов. Год на родине. Т. 2, стр. 171.

¹¹³ См.: Г. В. Плеханов. Т. I, стр. 214—215, 246 и др.

из классиков марксизма, то естественно, встает вопрос о соответствии характеризующих Плехановских воззрений марксизму.

Вопрос этот исторически вставал во все периоды распространения и развития марксизма в России, начиная с начала нашего столетия и кончая сегодняшним днем. И тем не менее он до сих пор не получил однозначного решения. Так, до 30-х годов в литературе доминировало мнение о полном совпадении означенных воззрений Плеханова марксизму; после 30-х годов за Плехановым закрепился, в лучшем случае, титул «талантливейшего пропагандиста марксизма» с 1883 по 1903 гг., и уже анти-марксиста — с 1903 г. по конец его жизни. При этом основным доводом в такой оценке творческой деятельности Плеханова служили его расхождения с Владимиром Ильичем. И слов нет, что довод этот, безусловно, должен стоять во главе угла оценки творческой деятельности Плеханова. Однако, каким бы веским и значительным ни являлся этот довод, сам по себе он все еще не может в полной мере и окончательно доказать принципиальную несовместимость характеризующих Плеханова с марксизмом. Не доказывает этого хотя бы по следующим соображениям.

Во-первых, потому, что утверждать подобное по сути означает отрицание впрямь возможностей перехода к социализму для тех стран, в которых по тем или другим причинам в свое время не свершилось прямое перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. А это уже само по себе абсурдно.

Затем, не следует забывать и сделанное самим В. И. Лениным на основе обобщения опыта первых лет строительства социализма в стране заявление о том, что «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»¹¹⁷, поскольку надо полагать, что эта «коренная перемена» касается именно их дореволюционных представлений о социализме. И думается, что в этом ничего нет недопустимого, поскольку дореволюционные их представления о социализме исходили из созданной ими теоретической модели социализма, а жизнь внесла и вносит в нее свои поправки и коррективы.

Помнить надо и то обстоятельство, что мы, обращаясь к прошлому историческому опыту, обычно в обязательном порядке сталкиваемся с одной из фактически реализованных возможностей, и нам кажется, что здесь все было предопределено однозначно. А между тем в действительности общественное развитие (может, даже в большей мере, чем развитие в любой другой сфере) в рамках общей, глобальной закономерности общественного движения всегда многовариантно. И коль скоро дело обстоит именно так, мы не видим сколь-нибудь разумных доводов в отрицании марксизма за плехановским вариантом пе-

¹¹⁷ Цитата взята из речи М. С. Горбачева на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС. «Правда» от 19 февраля 1988 г.

рехода от капитализма к социализму. Больше того, 70-летний наш опыт строительства социализма бесспорно подтвердил, что ленинский вариант перехода к социализму действительно оказался наиболее близким путем, но есть ли такая убежденность в том, что он оказался и наиболее *безболезненным, правомерным и целесообразным*? Изучение идей, установок и соображений Ленина невольно склоняет мысль к тому, не получилась ли у вождя партии в данном случае некоторая произвольная переоценка духовных факторов (в частности, фактора сознательности как в переходе к социализму, так и самого строительства социализма), исходя, возможно, из известной установки Энгельса о том, что в результате социалистической революции «объективные чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами (курсив наш. — Р. К.) творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹¹⁸. Но это уже другой вопрос, а здесь пока, возвращаясь к своему вопросу, отметим, что если все сказанное и могло оказать какое-то отрицательное воздействие на социально-политические и тактические воззрения Плеханова, то и в этом случае не совсем правомерно и корректно их механическое перенесение на его эстетические идеи по следующим мотивам.

Во-первых, потому, что хотя искусство и эстетика и связаны с общественно-политической жизнью (а у Плеханова они связаны особенно тесно), тем не менее они имеют и свои имманентные законы функционирования, и это в значительной мере не могло бы не избавить эстетические идеи Плеханова от отрицательного влияния отмеченных его установок; во-вторых, по сложившимся обстоятельствам, Плеханову пришлось заниматься вопросами искусства и эстетики не только по требованиям чисто русской действительности, но и по запросам общей теории марксизма. И поскольку Плеханов оказался сильнее именно в общей теории марксизма, то и этот факт не мог не оказать своего благотворного влияния на существо его эстетической теории; в-третьих, именно потому, что Плеханова по этим отмеченным причинам больше интересовали вопросы общей теории искусства, нежели частные его проблемы, и так как в таких случаях Плеханов сильнее оказывался в вопросах общего, а не частного, то и этот факт не мог не сказаться положительно на его эстетической теории.

Наконец, мы не можем не указать и на тот факт, что к тому времени (до Плеханова) искусство и эстетика все еще не успели получить полного научного объяснения с позиций *марксизма*.

¹¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, стр. 294—295.

Что касается «неправильной» оценки Плехановым творчества Л. Н. Толстого и романа «Мать» Горького, то здесь хочется заметить следующее. Поскольку, как мы попытались показать выше, Плеханов в общетеоретическом плане не отрицал ни необходимости свершения социалистической революции, ни диктатуры пролетариата, ни союза рабочего класса и крестьянства, ни революционную роль последних, то меньшевизм Плеханова никак не мог способствовать в данном случае «неправильной оценке» творчества Толстого просто по одному уже тому, что они не соприкасаются друг с другом; не ставил же Толстой в своих произведениях вопрос непосредственного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую?! И мы считаем позицию Плеханова по отношению к Толстому вполне справедливой и правильной, полагая, что в этом отношении Ленин и Плеханов не противостоят друг другу, а взаимно дополняют друг друга¹¹⁹.

Не меньше возражений у нас и к оценке отношения Плеханова к роману «Мать» в нашей литературе. И здесь, как нам кажется, все авторы, за исключением Г. П. Семенович (ее работа «Г. В. Плеханов и М. Горький», ж. «Русская литература», № 3, 1967 г.) по меньшей мере несправедливы к Плеханову. Несправедливость их состоит в том, что Плеханова упрекают в том, будто он поставил в вину пролетарскому писателю «его претензии быть проповедником марксовых взглядов»¹²⁰.

Критики, конечно, правы в том, что оценка Плехановым романа в целом оказалась неверной, и что в этом его меньшевизм в самом деле сыграл определенную роль. Во всем же остальном они неправы. Неправы они и в том, что Плеханов поставил в вину пролетарскому писателю его претензии быть проповедником марксовых взглядов не потому, что этого у Плеханова нет, а потому, что они его усматривают не там, где оно действительно содержится. Так, у оппонентов получается, что Плеханов поставил в вину Горькому эту его претензию, исходя якобы из своего противопоставления «языка образов» «языку мышления» (в чем они усматривают к тому же уступки кантианству¹²¹), которое будто бы вообще означает недопустимость для художника — для художника как такового — пропагандировать идеи. А между тем тут дело обстоит далеко не так. Плеханов отчетливо понимал, что литература и искусство служат и должны служить обществу, что они представляют собою средство воздействия на умы людей, и могут и должны активизировать революционный дух, сознание и настроение народных

масс, и, значит, пропагандировать любого рода идеи, и тем более марксистские. Поэтому Горькому он ставит в вину не его претензии, как претензии пропагандировать марксизм, а то, что он полагает, что Горький для такой пропаганды не созрел, потому что сам еще не проникся этими идеями как следует, а без этого невозможна их пропаганда через искусство. Так Плеханов прямо и пишет: «...Горький уже считает себя марксистом: ведь в своем романе «Мать» он уже выступил как проповедник марксовых взглядов. Но тот же роман показал, что для роли проповедника этих взглядов г. Горький совершенно не годится, так как взглядов Маркса он совершенно не понимает»¹²².

Таким образом, очевидно, что и здесь ошибка Плеханова происходит не из ошибочности его общей установки, а в оценке частного — в данном случае в ответе на вопрос, является ли роман Горького проповедью марксизма или нет. А отсюда очевидно, что если в ряде случаев меньшевизм Плеханова действительно способствовал и обуславливал частные ошибочные утверждения его, то он никак не мог приводить его к ошибкам в таком общем вопросе, как вопрос о том, проповедовать или не проповедовать писателю марксизм.

Но для нас в данном случае важнее учесть то обстоятельство, что работы Плеханова и о Толстом, и о Горьком со всей очевидностью показали, что их автор ставит и рассматривает вопросы искусства и эстетики в прямой связи и зависимости от социально-политических задач и требований времени. В результате все написанное Плехановым по вопросам искусства и эстетики свидетельствует о том, что для него эти вопросы находят-ся в прямой связи и зависимости от требований общественной жизни, оказывая на нее со своей стороны активное обратное воздействие. Этим духом проникнуты, кроме работы «О чем спор?», все труды Плеханова. Свидетельством этому может служить не только проблематика работ, но и их названия: «Материалистическое понимание истории» (охватывающее ряд лекций Плеханова); «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии»; «Пролетарское движение и буржуазное искусство»; «Искусство и общественная жизнь», «Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории» и т. д. Думается, что к этому в определенной мере имеет отношение и известное двухактное деление Плехановым литературной критики, и сам факт необходимости перевода «идеи данного художественного произведения с языка искусства на язык социологии»; необходимость «найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления», хотя это, конечно, было обусловлено не только сказанным, но и тем, что в самом соотношении формы и содержания определяющим выступает именно содержание.

¹¹⁹ Более обстоятельно эти свои соображения мы изложили в труде: «К вопросу об оценке творчества Л. Н. Толстого В. И. Лениным и Г. В. Плехановым». См. Ученые записки Юго-Осетинского госпединститута, т. IX, серия гуманитарных наук, 1966.

¹²⁰ См.: например Предисловие М. Розенталя к сб. «Г. В. Плеханов, Искусство и литература». М., 1948, стр. X.

¹²¹ Там же.

¹²² Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 132.

Но название и существо работ свидетельствует не только об этом. Они не в меньшей мере подтверждают и тот факт, что с момента появления второй работы Плеханова по вопросам искусства и эстетики, для него эти вопросы существуют единственно и только в свете марксистского их исследования. Обусловлено же это было рядом обстоятельств: во-первых, тем, что в качестве марксиста он хорошо сознавал, что вопросы эти могут быть правильно объяснены только с позиции марксизма, марксистской диалектико-материалистической теории общественного развития¹²³; во-вторых, тем, что в качестве марксиста он сознавал то огромное значение, которое имеют и искусство, и эстетика в воспитании масс, в развитии их революционного самосознания, а значит и революционного преобразования общественной жизни¹²⁴; в-третьих, тем, что Плеханов хорошо понимал, что марксизм — не догма, а творческая наука, и что для его развития немалое значение будет иметь и диалектико-материалистическое философское объяснение вопросов искусства и эстетики¹²⁵.

В итоге вся деятельность Плеханова по вопросам искусства и эстетики проникнута духом связи искусства с общественной жизнью (выраженной в том, что искусство не только зависит от жизни, но и само оказывает активное обратное воздействие на нее), и стремлением к объяснению искусства с точки зрения марксистского материалистического понимания общественной жизни.

Плеханов тем более основательно должен был заняться этими вопросами, что, во-первых, сами Маркс и Энгельс, по ряду причин, меньше успели сделать именно здесь, и ему, как ученику — на что он претендовал вполне определенно и не без осно-

¹²³ Свидетельство этому такое его заявление: «Я глубоко убежден, что отныне критика (точнее: научная теория эстетики) в состоянии будет продвигаться вперед, лишь опираясь на материалистическое понимание истории» (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика. т. 1, стр. 31, в его «Искусство и общественная жизнь», «Французская драматическая литература...» и т. д.).

¹²⁴ Это может подтверждаться тем, что у него сказано уже во второй работе, где, обращаясь к рабочим, он наставляет их: «Чем сознательнее станете вы относиться к своему положению, — пишет там Плеханов, — чем больше гнева и негодования будет возбуждать в вас ваша современная участь, тем настойчивее будут эти чувства проситься наружу, тем богаче будет ваша поэзия.

И не одно только горе, не одно отчаяние найдет в ней свое выражение. Понявши, что такое **есть** работник, вы поймете, **чем** он может и должен быть. Рядом с недовольством настоящим в вас будет расти вера в то великое будущее, которое открывается теперь перед рабочим классом всех цивилизованных стран. И эта вера также отразится в вашей поэзии: она-то и сделает ваши песни громкими, могучими и гордыми, как победный клич всеобщей свободы, истинного равенства и великодушного братства». (Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 485).

¹²⁵ Подтверждение этому его заявление о том, что «...если мы убедимся, что эта эволюция (речь идет об эволюции развития искусства. — Р. К.) объясняется с его (истмата. — Р. К.) помощью лучше, нежели с помощью других взглядов, то у нас **окажется** новый и сильный довод в его пользу» (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 6).

вания — уже по одному этому надо было обратить особое внимание на эти вопросы. Кроме того, Плеханов оказался еще и перед лицом такого факта, когда такие вопросы искусства и эстетики, как вопросы о месте и роли литературы и искусства в общественной жизни, условия и предпосылки создания социалистического искусства, отношение социал-демократии к литературе и искусству и многое другое становится спорным и дискуссионным и в рядах социал-демократических партий всех стран. Об этом свидетельствует появление, с одной стороны, таких работ, как «Социализм и искусство» Э. Вандервельде с его утверждением, что новое искусство не может возникнуть прежде, чем возникнет новое общество; сборник «Искусство в буржуазном обществе» — с утверждением католического социалиста Ф. Вольтера, что «Только тогда, когда упадет в могилу этот тиран (капитализм. — Р. К.), из пепла его, как новый Феникс, возродится искусство, и над обновленным миром засияет, как солнце, красота»; книга Каутского «На другой день после социальной революции» с его девизом: «Коммунизм в материальном производстве, анархизм в интеллектуальном»; а с другой стороны, хотя бы работа В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», а затем и его борьба против пролеткультовцев, где он, в отличие от первых, утверждает, что «литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, ... составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы», что «Мы, социалисты... за открыто связанную с пролетариатом литературу», и, что процесс зарождения нового социалистического искусства ни в коем случае не следует откладывать на будущее, ибо оно зарождается в буржуазном обществе и в борьбе с буржуазным искусством, и потому уже в рамках буржуазного общества оно в состоянии «вырваться из рабства буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса»¹²⁶.

И отрадно заметить, что по всем этим вопросам Плеханов склонялся именно на сторону Ленина.

Все это вполне определенно подтверждает наличие прямой связи между эстетической теорией Плеханова и его социально-политическими воззрениями, обусловленными, со своей стороны, тогдашней русской и международной социально-экономической и политической жизнью.

Но существо эстетической теории у любого мыслителя, в том числе и у Плеханова, не в меньшей мере (чем от социально-политических его воззрений) зависит и от общеполитических его воззрений, и потому, прежде чем перейти к характеристике существа самой эстетики Плеханова, необходимо предварительно остановиться и на философско-теоретических ее истоках и предпосылках.

¹²⁶ См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 12, стр. 105.